

ЭЛИСОН МАЙКАС

ИЗ ОГНЯ И ПЕПЛА

Эллисон Майклс

Из огня и пепла

«Автор»

2023

Эллисон Майклс

Из огня и пепла / Эллисон Майклс — «Автор», 2023

Джек Шепард не привык сомневаться в себе. Каждый день он спасает десятки жизней из пожаров и аварий, входит в горящие здания и жертвует собой. Но даже храбрые перед лицом стихии мужчины пасуют перед женщиной. Несколько месяцев Джек не может решиться на важный шаг и сделать предложение своей девушке. Он уже купил кольцо, рассказал друзьям, но всё меняется, когда на одном из вызовов он выносит женщину из огня. Её лицо наполовину обгорело, он её совсем не знает, дома его ждёт невеста, но, вопреки здравому смыслу, Джек привязывается к этой женщине. Вместе с огнём разгорается их любовь, вот только ни одно пламя не горит долго. И всегда найдутся те, кто захочет его потушить.

© Эллисон Майклс, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Рейчел	5
Джек	7
Джек	12
Рейчел	14
Джек	18
Рейчел	24
Джек	30
Джек	39
Рейчел	42
Джек	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Эллисон Майклс

Из огня и пепла

Рейчел

Огонь повсюду. Его языки слизывают штукатурку с аппетитом ребёнка, лижущего рожок мороженого. Сдирают кожу со стен, вскрывают дощатый пол. Огню не нужен лом или монтировка. Он способен разрушить всё кругом голыми руками.

Так жарко бывает только на пляжах Бразилии, в духовке или самой преисподней. Я чувствую, как смерть подбирается к моему горлу едким дымом и испарениями от тлеющих кусков древесины. Настоящая пляска смерти, зовущая в свои объятия. Но я не хочу танцевать. И не хочу обниматься.

Сперва едкий запах коснулся моего носа. Слабый, как старая ниточка, он смешался с привычными ароматами кухни, которые я так люблю. Только что пахло сдобой, шоколадом и черничными пирогами, которые я первым делом достаю из духовки, потому что они вкуснее, когда остынут. Их расхватывают быстрее, чем сумочки «две по цене одной» в «Мэйсис», и к девяти приходится ставить новую партию.

Я завозилась с коричневыми булочками дольше обычного, потому что Джерри сменил поставщика масла, и клейкие комки никак не хотели размешиваться. Миксер жужжал из последних сил, и как только я учуяла странный, непривычный запах, которому не место в моих владениях, я решила, что дело именно в нём. Старичок не справляется с неподатливым тестом и требует пару минут, чтобы передохнуть. Выключив нагретый миксер, я принялась, но душок палёной пластмассы не уходил. Я осмотрела прибор со всех сторон, поглаживая покалывающие края, словно от такой ласки он примется за дело с удвоенной силой. Но никаких признаков поломки, а зловонный перегар набирал обороты, словно в лицо дышал завсегдатай винно-водочного.

Адель распевала свои неуместные баллады, пока кухню окутывал смрад гари. Если бы я вовремя догадалась, что дело не в старом миксере. Если бы сделала потише, чтобы расслышать колющий треск пламени. Если бы... если бы...

Когда я заметила пламенную дорожку, пробирающуюся вниз по проводу подовой печи, в которой вовсю румянились рогалики, было поздно. Провод превратился в горящий фитиль, что вот-вот запустит бомбу. Страх первым коснулся моего тела. Сковал конечности стальными тросами – не двинуться, не закричать. В желудке всё завертелось, как в чаше того самого миксера. Вместо пронзительного голоса Адель в ушах стоял пронзительный звон, как на канале во время перерыва телевещания. Розетка уже полыхала, разбрасывая удушающие пары тёмного дыма во все стороны, когда меня пронзил импульс. Надо что-то делать!

Рогалики продолжали себе запекаться, не подозревая о том, что творится снаружи. Я всегда считала себя хладнокровной, готовой к любым внезапностям, но, когда наступил момент проявить всё своё хладнокровие, мои вены раздулись самым горячим ужасом. Несколько секунд я обивала место бездействием, не зная, что предпринять.

Вытащить провод. Как только эта мысль ворвалась в голову, паралич отступил. Я сорвалась с места, схватила рукавицы-прихватки и впервые использовала их не по назначению. Выдернула вилку из полыхающей розетки, но пламя укусило меня даже через плотную ткань. Одна из рукавиц загорелась, как свеча на именинном торте, но её не задует, загадав желание. Сбросив их на пол, я принялась топтать цветочные узоры ногами. Огонь отступил. Но из этой схватки не выйти победителем. Я осознала это, когда языки пламени перескочили с провода на открытый стеллаж с посудой и с завидной прожорливостью поглощали резиновые формы для

кексов. Розетка пылала адским кострищем. Дым валил, словно кто-то бросил дымовую шашку через открытое окно, и поднимался всё выше к пожарному извещателю. Тот истошно заорал, перекивая любовные серенады Адель и мои крики ужаса.

Любой почувствует себя беспомощным перед бушующей огненной стихией. Я выдернула из телефона кабель, подключённый к маленькой колонке, и музыка оборвалась. Набрала 911 и вызвала подмогу. Одной мне не справиться. Распахнула окна пошире и вспомнила о том, что следует делать при возгорании проводки. Статья попалась мне на глаза случайно – семья на Мейпл Драйв чуть не угорела из-за обычной телефонной зарядки. Даже забавно, как такие мелочи всплывают в памяти в нужный момент.

Да простит меня Джерри, обожающий свои бегонии! Я схватила горшок с подоконника, выдернула стебель и стала засыпать розетку землёй. Бесполезно. Это как тушить пожар водой из пипетки. Надо бежать в подвал и выкрутить пробки. Боже, если бы я знала, как это делается!

Дым трусливо убегал на улицу. Извещатель верещал, как боевая сирена. Огонь был почти везде, обступая меня горячим кольцом. Если я не сгорю вместе с кексницами, то Джерри собственноручно меня задушит. Больше я ничего не могу сделать. Надо бежать, спастись из этой адской ловушки.

Но я успела сделать всего два шага к выходу и зашаталась. Голова завертелась центрифугой. Так уже бывало, когда Эдди затащил меня на американские горки в парке «Окс». Меня потом десять минут тошнило в ближайшую мусорку, пока мама держала мои длинные волосы и поглаживала по спине. С тех пор я в парки аттракционов ни ногой. А сейчас будто снова сижу в открытой кабинке и лечу в пропасть. В животе защекотали крылышки мириад бабочек. Горло разодрал кашель, слабость прокатилась по всему телу ударной волной. Ноги подкосились, холодные плиты пола стали приближаться всё быстрее и быстрее. Скула взорвалась болью, словно меня избивал тяжеловес на ринге. И потом полная темнота.

Джек

– Не могу поверить, что ты решился, приятель! – Хлопнул меня по плечу Логан, запустив волну дрожи по всему телу.

– Давно пора! – Поддакнул Мэтт. – У Эмбер просто железное терпение. Я бы на её месте давно помахал тебе ручкой. Стеф мне всю плешь проела, пока я не встал перед ней на одно колено.

Стоило мне во всеуслышание заявить, что я созрел сделать Эмбер предложение, как тут же стал главной темой вечера. Вернее, раннего утра. Мы только загрузились обратно в машину и расселись по местам, а я разнервничался, будто меня уже везут к алтарю. Бордовая бархатная коробочка прожигала дыру в кармане форменного комбинезона. Мой боевой наряд способен выдержать температуры в тысячу двести градусов, но, оказывается, абсолютно бесполезен перед такой маленькой вещицей, как помолвочное кольцо.

– Скажи мне одну вещь, Джеки. – Забасил Уэйд, выруливая от ювелирного «Тиффани» на Джексон-стрит. Он был асом руля и педали, и мог одним ухом прислушиваться к тому, что творится на дороге, а другое приклеить к нашей болтовне за его спиной. – Ты готов?

– Мы встречаемся уже четыре года. – Ответил я, уже жалея, что втянул парней в свою авантюру.

– Это не ответ.

А что, если у меня не было ответа? Я знал, как пользоваться углекислотным огнетушителем. Знал, как обезвредить цистерну с горючим. Как проложить минерализированные полосы при тушении лесных пожаров. Но я не имел ни малейшего понятия, готов ли я к женитьбе.

Мэтт спас меня, ударившись в байки о том, как он делал предложение своей жене. Я слушал вполуха, витая в своих высотах непокорных мыслей. Девушка-консультант из золотых прилавков «Тиффани» изрядно удивилась, увидев на пороге блестящих витрин парочку неотёсанных пожарных. Мы с Логаном, как приличные гости, сняли каски и, засунув их подмышки вместе со смущением, прошлись вдоль полок с серебряными подвесками и бриллиантовыми колье. Ей богу, два слона в посудной лавке. Забрели мы сюда совершенно случайно. Выехали бригадой заправить машину перед сменой и, проезжая мимо вывески «Тиффани», я попросил Уэйда остановить громадину где-нибудь неподалёку. Капитан не любил, когда мы разъезжаем в рабочее время по личным делам, но парни сделали ради меня исключение.

Они хором заулюлюкали, когда поняли мои намерения.

– Кто-то решил попрощаться с холостяцкой жизнью? – Подстегнул Олсен, когда я спрыгнул на землю.

– Я с тобой. – Логан приземлился рядом в своих громадных ботинках. – А то выберешь что-нибудь отвратное.

Он усмехнулся, но я-то знал, что он идёт со мной не потому, что я ни черта не смыслю в женских украшениях. Скорее, чтобы проследить, что я не пойду на попятную, Как делал последние три года.

Когда девушка водрузила на стойку три коробки с кольцами, именно так я и собирался поступить: поджечь хвост и снова сбежать. Но Логан предусмотрительно отрезал мне пути к отступлению, тыкнув своим здоровенным пальцем в простое, но довольно симпатичное кольцо.

– Как тебе это?

– Хороший выбор. – Кивнула продавщица с дежурной улыбкой. Наверняка, она всех одаривает и такими улыбками, и такими хвalebными фразами. – Белое золото, инкрустировано пятью маленькими топазами и одним крупным. Любая девушка будет рада заполучить такое.

Эмбер – не любая девушка. За четыре года наших отношений я успел изучить её вкусы, которые, надо признаться, были весьма капризными. Если она и рассчитывает получить кольцо, то уж точно с бриллиантом как минимум в полтора карата. Но в отличие от её папы, я был обычным пожарным, все сбережения которого уходили на ремонт старой лачуги. Бриллианты для меня слишком. Как и женитьба, но вместо того, чтобы объявить об этом вслух, я выдал:

– Сколько оно стоит?

Четыре штуки. Мозг тут же принялся составлять смету, сколько всего можно закупить для дома на четыре штуки. Десять квадратов паркетной доски для гостиной и прихожей. Партию облицовочного кирпича для отделки фасада. Но плакали и мои полы, и фасад. Придётся потратить эти деньги на кольцо, в котором я даже не уверен.

– Мы берём. – Улыбнулся Логан, видя мои колебания.

Пока продавщица искала коробочку, в которой «кольцо будет смотреться ну просто идеально», Логан отозвал меня в сторонку, к высокой витрине с переливающимися всеми цветом радуги серьгами, и спросил:

– Ты уверен, что поступаешь правильно?

Старый добрый Логан Хоббс. Мы уже шесть лет плечом к плечу входим в горящие здания и бутылка к бутылке попиваем пиво на барбекю, так что он знает меня лучше, чем я сам.

– Я уже давно раздумываю над тем, чтобы жениться.

– Раздумывать не то же, что быть уверенным.

– Время пришло, Логан. Отец Эмбер наседает. И... я не хочу её потерять.

Он лишь кивнул, принимая мой ответ, но, не уверен, что соглашаясь с ним.

И вот мы катим в сторону пожарной части, обсуждая помолвки и свадьбы, как группка красоток на девичнике. Мэтт как раз рассказывает историю о трёхъярусном торте, в который влетела птица на его свадьбе, когда диспетчер нарушает всеобщий гогот трескучим голосом:

– Пожар в пекарне «Поппи». Кинг-роуд, 17. Женщина сообщила о возгорании проводки. Веселье сразу сходит на нет. Каждый из нас прислушивается к сообщению.

– Кинг-роуд. – Говорит Мэтт, забыв и о торте, и о птице. – Это же в двух кварталах от нас.

– Уэйд, принимай вызов! – Командует Логан, перевоплощаясь из моего друга в ответственного лейтенанта.

Уэйд связывается с диспетчером, включает сирену и прибавляет газу. Улицы Портленда мелькают всё быстрее, а встречные машины разъезжаются в разные стороны, пропуская нас. Отступая при виде нашей мощи или своего страха.

В салоне тут же всё приходит в боевую готовность. Моя помолвка и свадьба Мэтта теряются на заднем плане. Кольцо в кармане забыто. Я натягиваю китель поверх комбинезона, сверху – баллон с кислородом. Влезаю в каску, в которой душно, как в запёртой стеклянной клетке. Но лучше задохнуться от собственного пота, чем от смертельного дыма.

Машина с рёвом сворачивает на Кинг-роуд, и враг предстаёт перед нами при полном параде. Маленькая пекарня, зажата с двух сторон цветочным магазином и отделением почты, полыхает, как факел. Люди высыпали на улицы, как горошины из дырявого пакета. Топчутся на месте, не зная, что предпринять. Огонь вырывается из открытого окна, сжирая деревянную раму, как бесплатный обед в «Бургер Кинг». С жадностью оголодавшего бездомного. Он уже перекопал на фасад цветочной лавки и спалил половину вывески самой пекарни, так что теперь она называется просто «По». Обугленные деревяшки осыпают тротуар, как конфетти, разгоняя людей горячим градом. Дым клубками шелестит на ветру, разнося тошнотворный запах по всей округе. Пугающее зрелище даже для таких матёрых ребят, как мы. Из пекарни должно пахнуть булочками, но никак не костром.

Логан начинает раздавать указания, едва Уэйд притормаживает напротив входа.

– Это вы сообщили о пожаре? – Слышу я голос Олсена, к которому подлетает дама и верещит что-то о товаре и о том, что всё пропало.

– Нет. Моя лавка рядом. – Скомкано тараторит она. – Это, наверное, Рейчел. Но я её нигде не вижу! Бог мой, а вдруг она всё ещё внутри?!

Пожар – не помолвка. Здесь нет места сомнениям. Едва до моих ушей долетели слова этой женщины, я ринулся к дверям. Логан окликнул меня, приказал подождать кого-то из парней. Мы не входим в полыхающие костры поодиночке – мало ли что может произойти. Но дорога каждая секунда. Я надеваю маску и вхожу. Встречаюсь с необузданной стихией один на один.

В лицо тут же ударяет цунами жара, на щеках оседает плотная завеса дыма. Я дышу через маску, как Дарт Вейдер, и не слышу ничего, кроме скрежета дерева и грохота костра. Зал убаюкивают объятия пламени. Огонь уже принялся жевать столики, за которыми вскоре должны были сидеть праздные прохожие и запивать свежие булочки ароматным кофе. Слава богу, время слишком раннее и пекарня не открылась, так что пламя устроило пир в одно лицо. Стекло витрины пуста, а стойка с бутылочками и кружками пылает вместе с картинами на стенах.

Я быстро оцениваю обстановку. Из помещения ведут три двери. Та, что с рисунком мужской и женской фигурки меня не волнует. Дверь по левую руку ведёт неизвестно куда, но огонь ещё не проложил к ней тропинку. Остаётся последняя, позади стойки и витрины, но она давно перестала походить на дверь и напоминает подожжённое цирковое кольцо, сквозь которое прыгают тигры. Я мчусь к этому кольцу, собираясь совершить отчаянный, безумный прыжок, но вовремя останавливаюсь. Вижу тело, распластанное на полу в неестественной позе. Женщина лежит на животе и не подаёт признаков жизни. По её волосам и спине тянется искристая дорожка огня, но она уже не чувствует боли.

Не успеваю опомниться, как мои руки в варежках уже колотят бедняжку, пытаюсь сбить пламя. Я срываю свой китель и накрываю тело. Последние языки огня покорно потухают под ним. Заворачиваю женщину и поднимаю на руки. Она лёгкая, как тополиный пух. В моих ручищах она кажется маленькой, словно ребёнок. Сердце сжимается, иссыхает в морщинистый изюм, когда я вижу, что правая сторона её лица вся в ожогах. Бархатная кожа сморщилась, покраснела, как недожаренный стейк, покрылась кровоточащими пузырями. Мне больно от одного взгляда на её лицо, но, главное, что её грудь всё ещё поднимается и опускается. Медленно, будто на неё давит многотонный груз. Она чудом осталась жива в этой лихорадке пожара, и я собирался сохранить ей жизнь.

После темного зала пекарни, утренний свет кажется ослепительным, когда я выбегаю на улицу. Зеваки охают, кто-то из наших хлопает меня по спине, другие уже размотали шланги и подсоединили их к гидрантам, дожидаясь момента, когда я унесу свою задницу из здания. Едва я оказываюсь снаружи, Логан командует подавать воду. Все звуки смешиваются в неистовый хор, но я ничего не слышу, никого не вижу, только бело-красную карету скорой тридцать первой бригады, что успела примчаться по первому зову диспетчера. Мне навстречу уже несутся парамедики с каталкой и снаряжением.

Я быстро, но аккуратно укладываю пострадавшую на каталку и выпаливаю всё, что знаю, на одном дыхании:

– Женщина, до тридцати. Обгорело лицо и спина. Наверняка, наглоталась дыма.

Парамедики тут же берутся за дело, перехватывая жизнь бедняжки из моих рук в свои.

– Как её зовут?

– Не знаю, – бормочу я, не в силах оторвать глаз от лицевых ожогов женщины. – Не знаю...

Её тут же увозят от меня, заталкивают в карету скорой помощи и, перед тем, как захлопываются двери, я слышу:

– Остановка сердца! Джо, дефибрилятор!

Рейчел, вспоминаю я. Её зовут Рейчел.

Я давно покинул горящие стены, но лишь сейчас начинаю задыхаться. Думал, что удержал то неустойчивое равновесие женщины между жизнью и смертью. Думал, что прищучил смерть, отобрал её косу, когда вынес местами обугленное тело из дыма. Но это ещё один пункт в моём списке вещей, о которых я ни черта не знаю. Жизнь.

– Шепард, какого хрена ты прохлаждаешься? – Завопил Логан. – Огонь скоро доберётся до почты! Неси сюда свою задницу!

Как только мы прибывали на место происшествия, дружба между мной и Логаном Хоббом перетекала в иное русло, и я обязан был выполнять любой его приказ, даже если он командует сорвать с себя комбинезон и пробежать голый марафон по бульвару Барбер, главной артерии, проходящей через весь город.

Его вопли вывели меня из ступора. Сердце забилося с новой силой, перекачивая по телу кровь вместе с порцией адреналина. Я бросил последний взгляд на машину скорой – та ещё пару секунд постояла и помчалась в сторону Провиденс Медикал, ближайшей отсюда больницы. Плач сирены смешался с хаосом вокруг, но я облегчённо выдохнул. Если она завывает, значит, женщину вытащили с того света. Теперь дело нескольких минут, пока за неё не возьмутся лучшие медики Портленда.

К нам подоспела свободная машина из девятнадцатой части, что чуть западнее нашей, двадцать первой. Знакомые лица замелькали и стали главными героями на сцене. Обычно, на соревнованиях между пожарными, которые отдел по дурости устраивает каждые полгода, мы соперничаем. Но в такие моменты, как этот, соперничество отходит на второй план. Мы становимся единым целым перед одним врагом.

К моменту, когда погас последний огонёк, в толпе прибавилось наблюдателей. За годы работы я научился не обращать внимания на прохожих, которые забывают о делах в праздном любопытстве. Пожар – самая яркая часть их повседневной рутины, тогда как для нас он и есть рутина. Я фыркнул, увидев парня, который снимает всё на телефон и потом станет хвастаться удачными кадрами с передовой перед приятелями, такими же остолопами, как и он. Размозжить бы этот телефон об асфальт, но тогда неприятностей не избежать. Так уже бывало с Олсеном, который накинута на одного из зевак за то, что тот отпустил нелепую шутку в наш адрес. Капитан влепил ему выговор и отстранил на несколько дней – и это Олсен ещё легко отделался. Тот идиот мог состряпать заявление, подать иск и стясти с управления кругленькую сумму за неправомерное поведение одного из своих подопечных.

Было жалко смотреть на то, что осталось от пекарни. Почерневший каркас устоял, но внутри всё было выжжено подчистую. Словно индюшку выпотрошили до последней жилы. До отделения почты пламя так и не дошло, а цветочной лавке понадобится всего пара ремонтных штрихов, чтобы вернуть быллой вид. Но с пекарней придётся повозиться, чтобы она снова заиграла жизнью.

– Загорелась проводка. – Сказал Уэйд, осматривая очаг возгорания.

Мы стояли на пепелище, где каких-то полчаса назад та женщина возилась с тестом перед открытием. Теперь все поверхности походили на чёрные угольки, которые остаются от булочек, если их на пару часов забыть в духовке.

– Осмотреть бы её получше, но и дураку понятно, что она старше моего деда. Удивительно, как здание не загорелось раньше.

В дверях – вернее, в том, что от них осталось – появился невысокий мужчина с сединой в рыжих волосах. Клетчатая рубашка туго натягивалась на его выпуклости в районе талии, прежде чем заправиться в тёмные джинсы. На вид за пятьдесят, но от пережитого шока выглядит на десяток лет старше. Он издал какой-то животный звук и схватился за голову.

– Господи! – От того, с какой болью он оглядывал кухню, стало ясно, что это и есть владелец пекарни. – Всё пропало! – Как только первый шок схлынул, мужчина схватился за грудь в области сердца и посмотрел на меня. Никогда я ещё не видел столько страха в глазах. – Где Рейчел? Где она? Она жива?

– Вам не положено здесь быть... – Начал было Уэйд, поднимаясь с корточек у загоревшейся розетки, но гостю было плевать.

– Это моя пекарня. Рейчел... – Почти шёпотом повторил он. – Она работает здесь. Приходит в пять утра, чтобы заняться готовкой.

Наверняка, он лепечет о той женщине, которую я отыскал у витрины. Которая вызвала спасателей и попыталась спастись от огня, но тот настиг её на полпути к выходу. Уэйд собиравшись было повторить свой строгий наказ убираться с места пожара, но я жестом остановил его.

– Её увезли на скорой.

– Боже... она цела? Она не пострадала?!

– Сожалею, но она была без чувств, когда я её нашёл. Она получила серьёзные ожоги.

Мужчина почти завыл. Так не реагируют на несчастье, если то случается с рядовыми работниками. Его с той женщиной связывало нечто большее, чем рабочие отношения. Её отец? Дядя?

– В какую больницу её увезли?

– Полагаю, в Провиденс Медикал. Она всего в четырёх минутах езды отсюда.

– Я должен ехать к ней.

Руины, в которые превратилось его детище, были забыты. Для него важнее было убедиться, что с той женщиной всё в порядке. Я видел его впервые, но он вызвал во мне сильную симпатию.

– Мы здесь закончили, – участливо сказал я. – Можем подбросить вас до больницы. Нам всё равно по пути.

– Ох, спасибо, спасибо вам!

Мужчина поспешил выбраться наружу, мы с Уэйдом двинулись следом.

– Зачем ты обманул его? – Криво усмехнулся он. – Нам ведь совершенно в другую сторону.

Джек

Самое сложное в работе пожарного – не знать, что случается с теми, кого мы вытащили из лап смерти. Мы передаём их в руки парамедиков, а те в свою очередь вручают их врачам. Каждый из нас – лишь звено длинной цепочки чьих-то жизней.

В этом ни капли бесчеловечности, ни толики бездушия. Так мы прячем наши души за непробиваемым панцирем, иначе бы переживания растаскали её на части. Не успеет дотлеть последний огонёк пожара, как мы забываем, как выглядели стены в его агонии и возвращаемся к тому привычному, что нас удержит на плаву.

Именно поэтому Уэйд первым делом плетётся к холодильнику и откупоривает бутылку любимого «Доктора Пеппера», чтобы залить саднящее горло и такую же саднящую душу чем-то сладким. Хоккенбери плюхается на диван и включает запись любимого телешоу, где бригада строителей бесплатно перестраивает дома победителям. Своеобразная отдушина видеть, как кирпич за кирпичом вырастает здание, а не кирпич за кирпичом сгорает дотла. Олсен поскорее спешит смыть с себя гарь и пепел, отчиститься от пожара, пока его кожу не покроют следы следующего.

В любую секунду может раздаться голос диспетчера и ровным голосом сообщить, что кому-то нужна наша помощь. Скажет всего-то адрес. Ни имени, ни чего-то личного. Потому что только так система может работать.

Я не присоединился к Хоккенбери на диване в комнате отдыха, не набил желудок жирной едой вслед за Уэйдом, не стал искоренять со своего тела запах пожарища – я и так пропах им насквозь, сколько бы не мылся. Эмбер всегда поджигает свой симпатичный носик, едва зачует его.

Растянувшись на своей койке в спальном комматке, я уставился в потолок, вспоминая ту женщину из пожара. В отличие от других парней, я не забывал лиц тех, кто пострадал в огне. Они фотоальбомом хранились в моей памяти, и периодически я усаживался его полистать.

По уставу, гражданские не должны находиться в пожарной машине. Мы редко делаем исключения для детишек, больных раком, в качестве благотворительной компании, что устраивает наше предприимчивое управление. Поэтому, когда Джерри Паркер, владелец пекарни «Поппи», забрался в кабину, вся бригада неодобрительно скривилась. Но я знал, что никто из них не проболтается кэпу о постороннем в нашей святой святыне.

Нам бы возвращаться на базу, но по моей просьбе Уэйд свернул в абсолютно другую сторону. Уставшие и подкопченные после сражения с огнём, мы тихо подпрыгивали на ухабах Кинг-стрит, которую давно бы пора подремонтировать.

– Спасибо вам. – Тихо сказал Джерри Паркер ломаным голосом. Тревога исказила его лицо, сделало неровным, как асфальт под нашими колёсами.

– Не стоит. Это ваша дочь?

– Кто, Рейчел? – Мой вопрос сильно удивил мужчину. – Нет. Но я знаю её с детства. Можно сказать, вырастил собственными руками. Я дружил с её отцом много лет, но он погиб. Как и её мать, и старший брат. – Воспоминания огнём скорби вспыхнули в его глазах, глядящих вперёд, но ничего не замечающих. – Это было давно.

Больше я не стал ничего спрашивать. Казалось, любые слова покажутся неуместными, неправильными, как сама смерть.

– Из-за чего случился пожар? – Надломленным голосом спросил наш пассажир.

– Старая проводка. – Буркнул Уэйд, не отрываясь от дороги. – Вы давно её меняли?

– Давненько. – Выдохнул Джерри всё напряжение вместе с чувством вины. – Всё никак денег не хватало. Мы пока держимся, но не грёбём деньги лопатой, чтобы делать ремонт.

– А зря. Если бы вовремя заменили проводку, то ничего этого не было бы и ваша...

Но Уэйд заткнулся, встретившись со мной взглядом. Не время было отчитывать несчастливца за то, что тот мог бы предотвратить. Порой, обстоятельства сильнее нас, разве нет?

На дорогу ушло не больше пяти минут, но в скорбном молчании оно растянулось будто на целый день. Когда Джерри Паркер открыл дверцу и выбрался из кабины с проворством молодого легкоатлета, я чуть было не скользнул за ним следом в непонятном желании узнать, что стало с той женщиной, которую я завернул в свой китель, которую нёс на руках. Но вовремя опомнился.

– Надеюсь, с ней всё в порядке. – Взамен бросил я, но мои надежды мне самому показались до неприличия бездушными.

Мистер Паркер только кивнул в ответ и, снова поблагодарив за доставку и за какое-никакое спасение своей пекарни, засеменил в сторону главного входа Провиденс Медикал. Наша работа была закончена. Наше маленькое звено той длинной цепи оторвалось и поехало своей дорогой.

Логан нашёл меня в горизонтальном положении, по-свойски сбросил мои ноги в ботинках с застеленного одеяла и присел на кровать.

– Ты в норме?

– Хотелось бы думать.

– Что на тебя нашло сегодня? Ты никогда не пасуешь в нужный момент.

Я слегка оскорбился подобным замечанием, потому что не думал, что спасовал. Словно прочитав мои мысли, Логан добавил:

– Ты стоял, как истукан, и пялился на скорую, когда остальные тушили пожар. Что произошло?

– Ничего. Просто та женщина... стало её жаль.

– Всех их жаль... Но это не должно мешать нам выполнять нашу работу.

Я кивнул, сознавая, что в данный момент со мной разговаривает не друг, а мой лейтенант.

– Пошли завтракать. – Сменив гнев на милость, Логан хлопнул меня по бедру. – Олсен готовит свои бесподобные сырные лепёшки.

– Буду через минуту.

Но в желудке не было свободного места для лепёшек Олсена, только пустота при воспоминании об обугленном лице Рейчел и запахе горелой кожи.

Рейчел

Белый свет потолочной лампы ослепляет, выжигает сетчатку щипками. Приходится оставить лишь щёлки, чтобы не потерять зрение. Первое, что чувствую – нестерпимая боль во всём теле, но кожа на лице и спине так и полыхает, словно по мне проходятся раскалённым утюгом. С иссохших губ срывается стон, похожий на скулёрж раненого животного. Так пищал соседский пёс, когда его переехала машина.

В глазах темнеет от невыносимого жара, и яркий свет тут же затягивается пеленой. Уж лучше ослепнуть от сияния ламп, чем погрязнуть в этой тёмной пучине мучений. Я порываюсь встать, но чьи-то заботливые руки снова укладывают меня.

– Тебе нужно лежать, – говорит знакомый, ласковый голос, и я подчиняюсь ему.

Когда дымка рассеивается, как бывает после того, как резко встанешь с дивана, я вижу у постели Джерри. Моего милого Джерри, который смотрит на меня выпученными рыбьими глазами. Никогда бы не подумала, что его маленькие глазёнки могут так широко раскрываться. Весь всколоченный, его трясёт. Эта дрожь передаётся мне через руку, которой он сжимает мою ладонь.

– Что случилось? Где я?

– В пекарне был пожар. – Напоминает Джерри, и я начинаю припоминать, как огонь устроил пирушку прямо на кухне «Поппи». – Ты чудом уцелела.

Глаза привыкают к белизне стен и невыносимо ярким лампам, и я понимаю, что лежу в больнице. Туловище стянуто чем-то мягким под больничной рубашкой. Правая сторона лица жётся, словно я упала лицом в кактус. Что-то липнет к щеке банным листом к разгорячённому телу.

– Пекарня... – шепчу я. – Джерри, она сгорела?

– Кое-что уцелело. – Пытается улыбнуться он, но в улыбке ни доли радости. – Но ты не должна сейчас об этом думать. Тебе нужно позаботиться о себе.

– Я пыталась. Пыталась потушить огонь, Джерри, но всё случилось так быстро. Прости меня. Ради бога, прости...

– Даже не смей. – Строго прервал мои стенания Джерри, с напором вдавливая моё тело обратно в подушки, потому что я норовила снова встать и мчаться. Куда? – Ты ни в чём не виновата. Наоборот, это я должен просить у тебя прощения. Всё из-за меня. Я ведь знал, что пора заменить проводку, но пожалел денег. Я старый идиот, по вине которого ты чуть не погибла.

– Так дело в ней? В проводке?

– Так сказал один из пожарных.

– Помню, как загорелась розетка. Как огонь побежал по проводу. Я так испугалась.

Джерри принялся утешать меня, хотя ему самому не помешало бы утешение. Дело всей его жизни обернулось пеплом. Десять лет он холил и лелеял «Поппи», как дитя, которого у него никогда не было. Даже боюсь представить, что осталось от белых кирпичных стен и деревянных подвесных полочек, когда-то сплошь уставленных белыми и розовыми бегониями. Джерри не признавал других цветов, потому что его жена обожала их медовый запах и веретено нежных бутонов. Осталось ли что-то от столиков, за которыми само время замирало, пока покупатели останавливали ежедневную беготню и усаживались с чашкой кофе и выпечкой с пылу с жару. Я потеряла сознание до того, как увидела финал огненной феерии. Но кухня точно пропала, её не вернуть. Джерри придётся начинать с нуля.

– Пока врачи возились с тобой в реанимации, я связался со страховой. Хорошо, хоть об этом позаботился. – Печально хмыкнул Джерри, глядя в пустоту. – Но выплаты не покроют капитальный ремонт. Может, удастся уложиться хотя бы в материалы, но на рабочих не оста-

нется ни цента. Придётся восстанавливать всё своими руками, а на это уйдут месяцы. За это время мы разоримся. Не знаю, что делать, Рейчел.

– Мы обязательно вернём «Поппи». Что-нибудь придумаем, вот увидишь.

– Ну, не время сейчас думать о пекарне. На повестке дня ты и твоё здоровье.

Я прокрутила диалог к самому началу и выудила из него то, что засело в голове страшным приговором.

– Ты сказал, я была в реанимации?

– Да, милая. По дороге твоё сердце... остановилось. Парамедики дважды запускали его. Доктор сказал, это всё последствия шока. Твоё сердце просто не выдержало такой боли. Мне так жаль, Рейчел.

Сложно поверить. Мысль о том, что я на мгновение побывала за порогом смерти и вернулась, словно забыла ключи, не укладывалась в голове. Та была забита, как шкаф всяким хламом, и для другого там попросту не осталось свободного места.

– Тебе обработали ожоги, вкололи какие-то там антисептические, чтобы не возникло инфекции. И обезболивающие.

– Видно, они плохо справляются со своей задачей, – слабо улыбнулась я. – Потому что боль просто адская.

– Позвать доктора? Попрошу вколоть ещё дозу...

Джерри умчался по коридору искать доктора, который позаботился обо мне, обеззаразил раны и спрятал их под мягкие, но такие неудобные бинты. Грудь сдавливали кольца марлевой ткани. Боюсь представить, во что превратилась моя спина, раз больно даже лежать. Я повернулась на бок, чтобы не касаться поверхности кровати, но легче не стало. Огонь в спине волновал меня не так сильно, как на лице. Правая щека вопила болью. Хотелось содрать повязку и расчесать её ещё сильнее. На кого я стану похожа, когда ожог заживёт? Вылитый Франкенштейновский монстр. Что скажет Остин? Наверняка, Джерри уже сообщил ему, и он мчится в больницу. Не знаю, хочу ли его видеть. Вернее, не знаю, хочу ли, чтобы он видел меня.

Джерри появился в палате в сопровождении целой свиты. Мужчина за сорок в белом халате улыбнулся и порадовался, что я пришла в себя. Представился доктором Дарлингом и пожурил, что я всех перепугала. Медсестра, полная низенькая женщина, которую будто тянуло к полу то ли лишним весом, то ли усталостью, была не так словоохотлива. Осмотрела повязки, проверила капельницу с таким холодным видом, что температура в палате заметно понизилась на несколько градусов. Но мне всё равно было жарко от ожогов.

Меня накормили завтраком из трёх блюд: анальгетиком, антигистаминным и противовоспалительным. Доктор похлопал меня по руке, как хорошую пациентку, и велел отдыхать и набираться сил.

– Если не будет никаких осложнений, а это маловероятно, – перед уходом уточнил он. – То через недельку выпишем вас, если пообещаете беречься и продолжить лечение дома.

Я пообещала, хотя первым делом как покину эту неуютную палату, отправлюсь в пекарню. Оценю ущерб и сделаю вид, что я победила, раз выжила в смертельной бойне. Пусть противник давно покинул эти стены, иногда важнее доказать его поражение самому себе.

Джерри не отходил ни на шаг, хотя у него было полно других забот. Десять лет назад к ним примешалась и я, побитая и покорёженная, как и машина отца, в которую влетел неосторожный водитель грузовика в паре миль от Портленда. В тот день я впервые почувствовала, что значит умереть. Сегодня всё повторилось. Я могла присоединиться к семье, что покинула меня десять лет назад, но вместо этого второй раз обузой легла на плечи Джерри Паркера.

Он бросался неловкими фразами, пытаясь приободрить меня. Напомнить, что по эту сторону всё ещё есть, чему радоваться, ради чего задержаться. Но его экскурс выходил скомканным и кособоким, как первая булочка, которую я испекла в стенах его пекарни. Джерри под-

жѐг мою уцелевшую щѐку прощальным поцелуем лишь тогда, когда в дверях палаты появился новый гость.

– Остин! – Облегчѐнно выдохнула я, заметив карие глаза, выглядывающие из-за букета красных тюльпанов. – Ты пришѐл!

– Оставлю вас. – Неловко пробормотал Джерри, чувствуя себя лишней спицей в колесе, и пообещал навестить позже.

Раны тут же перестали отзываться той дикой болью, когда я увидела Остина. Всё казалось сюрреалистичным, деревянной декорацией какой-то глупой постановки, пока среди них не мелькнули его небрежные волосы цвета мокрого песка. Пока тонкие губы не растянулись в скомканной, но такой знакомой улыбке.

– Это тебе. – Остин протянул мне цветы и убрал руку так поспешно, как будто его ужалило от прикосновения к моим пальцам. – Джерри позвонил мне и рассказал о том, что случилось. Это ужасно, Рейч...

Слова он подбирал верные, но совсем забыл о тоне, который выдавал его с потрохами. О том, чтобы усмирить бегающие глаза, в которых легко было прочесть всё, что он чувствовал. Его ноздри раздражѐнно поигрывали, чуя застоявшийся запах больницы, а может, и гари, которой я пропиталась с ног до головы. Он старательно отводил взгляд от повязки, прилепленной к моей щеке, словно мне налепили ненавистный горчичник, от которого становилось противно даже ему.

– Я рада, что ты приехал. – Сказала я, не чувствуя, что это взаимно.

– С ума сойти. – Остин вдохнул весь кислород в палате и стал похож на надутый шарик.

– Ты выжила в пожаре... это... обалдеть просто. Как ты себя чувствуешь?

– Так, словно выжила в пожаре. – Отшутилась я, но едва ли он оценил мой юмор. В двух словах я пересказала ту остросюжетную передрыгу, в которую угодила пару часов назад.

– И что говорят врачи? Ты скоро поправишься?

– В лучшем случае, через неделю буду дома.

– Это хорошо. А это... – Остин чуть заметно кивнул на моѐ лицо, на ту половину, что от него осталась, и я тихо порадовалась, что ожоги спрятались под повязкой. – Наверняка, останутся шрамы.

Его слова резали по живому. Вскрывали заново волдыри, которыми покрывалась обгоревшая кожа. Мы встречались всего ничего, но, похоже, мой внешний вид волновал его гораздо больше, чем я сама.

– Шрамы ничто по сравнению с тем, что могло со мной произойти.

Он мимолѐтно кивнул, опровергая своим кивком всё сказанное. Думала, мне станет лучше, как только я увижу Остина, но от его присутствия лишь покрылась холодным ознобом, хотя кожа всё ещё полыхала под бинтами. Холодность другого человека порой бывает горячее необузданного пламени.

Остин пробыл в палате каких-то десять минут и отговорился тем, что ему пора на работу. Сказал, что позвонит и ещё придѐт навестить. Пришлось поверить на слово, хотя его слова не внушали доверия.

Перед уходом, он задержался у стула в углу, заприметив там тѐмную куртку. Она битый час пролежала там, но даже не попала в радиус моего внимания.

– Что это? – Спросил Остин, поднимая вещь и крутя в руке.

– Хм, должно быть куртка того пожарного, что вытащил меня. Джерри сказал, что он накрыл ею моѐ тело, чтобы уберечь от огня. Можешь подать мне её?

Остин послушно оставил трофей, пропахший дымом, рядом с букетом цветов и ушѐл. Я несколько минут разглядывала пожарный китель с именной нашивкой. Пальцы провели по буквам, повторяя закругления его имени. Шепард. Я невольно вдохнула вкус кострища, которым воняла каждая фибра ткани, и прижала куртку к груди, вспоминая лицо своего спасителя.

Пока он нёс меня над раскалёнными плитами, я на мгновение пришла в себя и заметила жёсткую щетину на угловатом подбородке, брови, нахмуренные в полной решительности. И снова отключилась.

Поблагодарить бы его за то, что я могу дышать. Моя благодарность будет столь ничтожной. Капля в необъятном океане. И тут я почувствовала, что в кармане куртки что-то есть. Засунула в него руку и вынула на свет бархатную коробочку. Она была чуть ли не единственным пятном цвета в этой стерильной белизне больничной палаты.

Джек

Парни давно переоделись в гражданку, а я продолжал обыскивать все углы части, словно старый пёс, забывший, где зарыл недолизанную кость. Повторил маршрут всего дня, от и до. Всунул нос везде, где только можно и где нельзя. Осмотрел спальняный отсек, комнату отдыха и даже душевую, в которой не был. После утреннего пожара день выдался на редкость спокойным: всего-то загорелся бак в переулке за фермерским рынком и какой-то лихач влетел в дерево, раскорёжил машину как картонную коробочку, а сам остался целее целого. Даже сам выбрался из смятого салона и поджидал нас, придиричиво сложив руки на груди и оглядывая своё авто.

Так что в душевую я даже не ходил, пропитываясь амбре настоящего мужчины и пожарного. Люблю смывать с себя запахи дня дома, в тишине, когда можно простоять под горячими, испепеляющими каплями лишние двадцать минут и распарить кожу похлеще, чем на самом жестоком пожаре. Ребята закалились высокими температурами на вызовах, а потому косо поглядывали на густой пар, когда я принимал душ в части.

– Тебе не хватает пламени на пожарах? – Спрашивали они, видя, как я наслаждаюсь жаром воды.

А мне не хватало. Кого-то отрезвляет ледяной контраст, меня – апогей температур.

Я как раз по второму кругу шарил по салону кабины, когда Логан застал меня скрючившимся в закорючку перед тем, как передать смену другому лейтенанту.

– Не нашёл?

Из горла вырвалось что-то нечленораздельное.

– По всей видимости, это нет? Обалдеть, Джек. Как ты мог посеять кольцо за четыре штуки через пять минут после покупки?

Кабина была так же пуста, как и в прошлый раз, и не прикарманила коробочку с кольцом, как я надеялся. Спрыгнув на бетонный пол, я со всей дури захлопнул дверцу, вымещая на ней злость, которой та не заслуживала. Я весь кипел, бурлил закипающей водой в чайнике, разве что не пошёл пузырями.

– Оно осталось в кителе. – Умозаключил я. – Думал, выронил где-то в части, но кольца нигде нет.

– В кителе? – Бровь Логана поползла вверх, к густой шевелюре, всё ещё влажной после душа в конце смены. – Ты ведь завернул в него ту девчонку из пекарни.

Вот идиот. Надо было оставить его в машине, припрятать в место понадежнее незастёгивающегося кармана куртки, в которой помчался в горящее здание.

– Если оно не выпало прямо там, на пожаре, то должно быть сейчас валяется где-то вместе с кителем в больнице. Или на помойке. – Предположил я. – Придётся возвращаться в больницу.

– С тобой съездить?

– Спасибо, Логан, но иди-ка ты домой. Не стоит менять свои планы ради моей тупой башки.

Хотя его планы ничем не отличались от привычного распорядка: завалиться в бар «Бруклин», где тусовались все пожарные, и подцепить какую-нибудь девчонку. Проверенная схема, в которую не входил поиск помолвочного кольца.

– Ладно, удачи, приятель. Позвони, если найдёшь его.

Мы разошлись по разным углам улицы, к своим припаркованным машинам. Оседающее солнце бросало блики на чёрный металл моего пикапа, отчего тот светился неоновой рыбкой в аквариуме. Мне бы сейчас вернуться в квартиру и начать составлять план, как сделать предложение Эмбер. Я был силён, как бык, но не в том, что касалось всей этой романтики,

а Эмбер любила так, чтобы с шиком-блеском, чтобы искры во все стороны. Но мне хватало искр и на работе.

Вместо того, чтобы вырулить на Двадцать шестую авеню и размеренно покатить по спокойным улицам в сторону своего лофта в Саутгейте, пришлось пришпорить четырёхколёсную лошадку и поехать в противоположном направлении. Я специально выбрал более долгий путь до больницы Провиденс Медикал, чтобы проехать мимо пекарни «Поппи» и осмотреть её руины. Пожарные ничем не отличаются от преступников – никогда не возвращаются на место происшествия. Ещё один негласный закон, который я нахально нарушал.

На Кинг-стрит всё ещё витал запах гари. Ветер задувал его остаточный дух через открытую форточку. Почта уже закрылась, как и цветочный магазин, фасад которого был изрядно подпорчен чёрными разводами по белому кирпичу. Кляксы в тетради школьника, что пишет, как курица лапой. Но он ещё легко отделался. А вот пекарня превратилась в лист, на который по неосторожности вывернули целую чернильницу.

В лучах закатного солнца она дымилась оранжевым цветом, будто внутри всё ещё полыхал огонь. Вывеска с выжившими буквами «По» болталась на последнем издыхании – надо бы снять её прежде, чем массивная деревяшка свалиться кому-нибудь на голову. За годы службы мне бы привыкнуть к пепелищам обгоревших зданий, но вид выжженных рам и чёрной копоти, вытекающей наружу из оконных проёмов выворачивал наизнанку. К этой стихии невозможно привыкнуть. Она не может приесться, как пицца, которую сотни раз покупал на ужин.

Хозяину предстоит нехилая работа. Мистер Паркер говорил что-то о том, что у него водится не так много денег, так что, скорее всего, пекарня так и останется чёрным пятном среди белого кирпича соседствующих лавок. В сознании всплыли кадры, как огонь отыгрывается на мягком теле той женщины, Рейчел. Как я снимаю китель, даже не думая, что незащищённые плечи могут подгореть, как курочка в духовке. Как те рогастики, что она пекла, пока пожар не превратил их в сухие паленья. Надеюсь, с ней всё в порядке.

Какое-то непривычное волнение поднималось в груди, когда я покинул пост наблюдения и поехал по проторенной дороге к Провиденс Медикал. Чего я боялся? Того, что она всё же не вынесла последствий пожара? Или того, что придётся столкнуться с этими последствиями лицом к лицу?

У поста медсестры крутилась немолодая и давно не бодрая женщина в бледно-розовой форме. Я вторгся в её владения и неспешный ритм работы, спросив про женщину, которую доставили сюда после пожара.

– Приёмные часы давно закончились. – С искренним сожалением ответила она. Как и я, эта медсестра не успела зачерстветь после всего, что приходилось видеть по долгу службы.

– Не могли бы вы пустить меня к ней всего на минуту?

– Вы её родственник?

– Я тот пожарный, что вытащил её из здания. – Зачем-то уведомил я, будто этот факт точно поможет мне прорвать железную оборону. И я был прав.

Усталые морщинки у глаз, в которых скомкались остатки косметики, чуть разгладились, а в глазах заблестели участливые искорки. Она воровато огляделась по сторонам, словно собиралась продать мне залежи наркотиков из больничных запасов, и тихо произнесла:

– Только на пять минут.

В полупустых коридорах не осталось и следа от дневной суматохи. Сновали лишь одинокие санитары и медсёстры, иногда встречался солидного вида врач в белом халате, властитель ночной смены. Пока добрая женщина вела меня по лабиринтам больницы на третий этаж, я спросил её, не попадался ли ей на глаза форменный китель пожарного.

– Простите, к нам столько всего попадает, за всем не уследишь. Но я спрашиваю у дневной смены, может, его кто припомнит.

У одной из палат в отделении интенсивной терапии она остановилась и напомнила, будто меня мучили приступы Альцгеймера:

– Пять минут.

Она тут же исчезла в привычном ареале обитания, а мне понадобилось пару глубоких вздохов, прежде чем открыть дверь. Меня тут же укутало одеялом запахов, в котором отчётливо слышались нотки давно потухшего пожара. Мой нос давно настроен на эту волну и наверняка сумеет учуять, как загорается спичка с расстояния в несколько сотен метров. Ну, прямо акула, которую манит капля крови в толще безбрежных вод.

В одноместной палате было слишком одиноко. Одинокий стул в углу, одинокая койка, в которой свернулась та самая женщина, что утром сворачивалась на моих руках. Её бледность сливалась с больничными простынями и бездушным цветом стен, но даже в приглушённом свете покрасневшие участки кожи, слегка виднеющиеся за повязкой на лице, вносили хоть какое-то подобие красок на белоснежный холст.

Я вошёл тихо, почти беззвучно в своих громоздких ботинках, но она тут же почувствовала присутствие чужака. Вышла из дрёмы, приоткрыла глаза и прищурилась, словно в лицо ей били свечения десятков прожекторов. Несмотря на увечья, которыми одарил её огонь, я не мог не признать, что она красива. Огонь выжигает плоть, но не её черты. Только когда она зашевелилась, я заметил, что её рука крепко сжимает мой китель. Она спала с ним в обнимку, как с мягкой игрушкой. Как с напоминанием о том, что она выбралась из пылающей трясины живой.

– Это вы. – Тихо сказала она. – Я вас помню.

Возможно ли такое? Она была еле жива, когда я обнаружил её на полу, когда выносил на руках на свежий воздух. Сделав несколько шагов к её постели, я не нашёл, что сказать, кроме как:

– Как вы себя чувствуете?

Она приподнялась на локтях – невежливо встречать посетителей в лежачем положении. Улыбнулась каждым сантиметром лица. Правый уголок её бледных губ оказался в опасной близости к повязке, к ожогу под ней, отчего она поморщилась.

– Жива, благодаря вам. Всё остальное неважно. Вы пришли навестить меня? Это так мило с вашей стороны.

Я проглотил горькую правду о том, что явился за кителем и кольцом, и коротко кивнул. Впервые нарушаю правило пожарных и справляюсь о здоровье того, кого передал в руки парамедиков. Думал, это разбередит душу, но почувствовал лишь лёгкость от того, что поступаю правильно. Кто сказал, что легче не знать, что случается со спасёнными?

– Не знаю, как вас благодарить. – Заговорила женщина, заполняя неловкое молчание.

– Это лишнее.

– Нет, не лишнее.

– Всего лишь моя работа.

Она как-то резко поджала губы, словно обиделась, что она для меня всего лишь работа.

– Но я рад, что с вами всё в порядке.

Мы глядели друг на друга, как смотрят люди после долгой разлуки. С любопытством и чем-то ещё. В эту секунду я почувствовал, как между нами протягивается тонкая нить. Связь, которую обрываешь с пострадавшими, как только их увозят на скорой.

Перехватив мой взгляд, скользнувший к кителю, Рейчел поникла. Поняла, что я явился лишь за ним?

– Простите, это ваше. – Слегка подрагивающей рукой она протянула куртку мне, будто не желая с ним расставаться.

– Спасибо.

– Оно очень красивое.

Я вопросительно воззрился в её медовые глаза.

– Кольцо. Извините, нашла коробочку в кармане.

От сердца отлегло. Выходит, всё это время кольцо надёжно хранилось в руках Рейчел, фамилии которой я даже не знал. Я ничего о ней не знал, но почему-то захотелось исправить это упущение.

– Думал, что навсегда потерял его. – Признался я.

– Вашей девушке очень повезло.

Повезло ли? Я не ответил, подбирая верные слова, чтобы попроситься, но Рейчел подавалась вперёд и отчаянно попросила:

– Не посидите немного со мной? Здесь так тихо, что начинаешь сходить с ума. Расскажите мне о своей девушке.

Теперь я уж точно не мог уйти. Да в общем-то и не хотелось. Эмбер наверняка уже вернулась с работы и ждёт меня на привычном месте: в складках бархатного дивана с бокалом вина и ноутбуком в руках. Мимолётом спросит, как прошёл мой день, и учтиво не будет перебивать, хотя мыслями будет далеко.

Я помнил про наказ медсестры о пяти минутах, но понадеялся, что она забудет о моём вторжении. Придвинул стул, скромно жавшийся в углу, поближе к койке и опустился. Теперь наши глаза были вровень.

– Вы уже придумали, как сделаете предложение?

– Если честно, то нет. Я не силён во всей этой романтике. И от приятелей ждать помощи не приходится.

За сегодняшний день я получил парочку советов и лишний раз убедился, что пожарные – не лучшие советчики во всём, что касается дел сердечных. Олсен наказал не заморачиваться и вручить кольцо сегодня же вечером. Мол, Эмбер и так слишком долго ждала, так что ни к чему тянуть с помолвкой ещё несколько дней. Логан воздержался от дружеских рекомендаций, вместо этого заводя утреннюю шарманку: уверен ли я, что готов связать себя узами брака? Мэтт пересказал собственное предложение руки и сердца, но я не собирался повторять чужих ошибок и опускаться до подобной банальщины, как кольцо в бокале с шампанским. Самым дельным оказался совет Келли Бенсон, парамедика при нашей части, которая была единственной женщиной в берлоге вонючих и отнюдь не манерных парней.

– Воссоздай ваше первое свидание. – Сказала она за общим столом, пока остальные уминали ризотто от Олсена, чья очередь была целый день шефствовать за плитой. – Отведи в тот же ресторан, закажи тот же набор блюд, а когда вернётесь, встань на одно колено. По мне, так было бы очень даже романтично.

Может и так, если бы на нашем первом свидании мы ни протаскались по выставке современного искусства, где я опозорился, отпустив парочку ехидных замечаний по поводу картин и не ввязался в спор с одним из «писак», чьи работы в тот вечер выставлялись на всеобщее обозрение. Поджав хвосты, мы с Эмбер покинули галерею, и я проводил её до дома, изрядно удивившись, что на следующий день она ответила на мою смс с извинениями и согласилась дать второй шанс.

– Хотите, я вам помогу? – Неожиданно предложила Рейчел. – Мне торчать здесь ещё неделю, и я умру от скуки, если не займу голову чем-то полезным. И это меньшее, чем я могу вас отблагодарить за своё спасение.

– Как вы собираетесь мне помочь?

– Какая она? Ваша девушка? – Рейчел склонила голову на бок, как любопытный терьер, и стала в сто крат симпатичнее, чем секунду назад. Ни обожжённое лицо, ни больничная распашонка не могли испортить эту красоту.

И по какой-то неведомой причине, я ей рассказал об Эмбер. Выложил всё, как на духу, словно старой приятельнице за чашкой кофе. Сперва рассказ выходил неловким, но спустя минуту откровения уже летели из меня фонтаном.

Я встретил Эмбер четыре года назад, как говорится, по воле случая. В офисе её отца, легендарного портлендского адвоката по корпоративным искам Джонатана Гринвуда, сработала пожарная сигнализация, и наша бригада по первому зову ринулась на задание. Обыскав всё здание вдоль и поперёк мы не нашли ни намёка на возгорание, зато я нашёл Эмбер. Она протиснулась сквозь толпу выбравшихся из тесных клетушек сотрудников здания и сама подошла ко мне. Красивая, уверенная в себе, чуточку властная. Непохожая ни на одну из тех девушек, с кем сводил меня тот самый случай. Она всего-то спросила, нашли ли мы что-то, и я так и выпалил:

– Вас.

Не знаю, что покорило её непокорный нрав, о котором я узнал позднее, но она улыбнулась. Той улыбкой, что мечтает увидеть в свой адрес любой мужчина, пребывающий в своём уме. Но на этом вся моя смелость улетучилась. Я не смог произнести ни одного внятного слова и потерял «находку» так же быстро, как и нашёл. Эмбер растворилась в толпе таких же деловитых адвокатов, но не в моей памяти. Всю смену я был сам не свой, вспоминая её длинные ноги в телесных чулках, завлекательнодвигающиеся под узкой, строгой юбкой. Её серые глаза и ямочку на подбородке. Но сильнее всего засели в голове её алые губы, пухлые, чувственные, как мякоть персика. Кто бы ни хотел их поцеловать?

Конечно, все эти детали я опустил в разговоре с Рейчел. Сказал только, что под конец смены уже не мог просто отправиться домой, как остальные. Приехал к офису Гринвуда и понял, что даже не знаю имени той красотки, чтобы попросить охранника передать ей, что её ждут у входа. Просто околачивался у дверей с нервозностью преступника, надеясь, что адвокаты работают так же усердно, как пожарные, и она ещё не ушла. Почему-то я был уверен, что она адвокат. С красным дипломом какого-нибудь Гарварда, цепкой хваткой и портфелем амбиций. И не ошибся. Ни в том, что она адвокат – вся в отца – ни что работает за троих.

Через сорок минут обивания порога офисного здания, я увидел, как те самые симпатичные ножки спускаются по лестнице, а те самые манящие губы растягиваются в очаровательной улыбке при виде меня.

– Я уж думала, что вы не вернётесь. – Только и сказала она.

– Не привык терять то, что нахожу. – Парировал я, и на следующий же день у нас состоялось первое свидание.

Тогда меня не смутила бездонная пропасть, которая разделяет утончённость адвоката и плебейство пожарного. Эмбер потащила меня на выставку современного искусства, где собрались рафинированные и тщательно отобранные слои населения. И я. Джек Шепард, что предпочитал игристому тёмное нефilterованное, и в искусстве смыслил ровно столько, сколько в генной инженерии. Ровным счётом ни черта.

Первое свидание я завалил, как двоечник вступительный экзамен в Лигу Плюща. Но мне дали второй шанс, и я не собирался его профукать. Никто никогда не давал мне вторых шансов, тем более девушки, вроде Эмбер Гринвуд. Сногшибательные, состоявшиеся, филигранные. Сам не понял, как всё закрутилось, но с радостью купил билет на эту карусель.

Чем дальше мы узнавали друг друга, тем шире становилась пропасть. Эмбер зарабатывала в три раза больше меня, трапезничала в изысканных ресторанах, зная наизусть винную карту не только по названиям, но и по вкусам. Летала на Гавайи с отцом и матерью, куда я не получал билета. Джонатан Гринвуд был не в восторге от партии любимой и единственной дочери, потому что её составлял я. Обычный пожарный, от которого пахло дымом, а не «Пако Рабанн», что из законов знал только закон всемирного тяготения, который действовал между мной и Эмбер. И то не разобрался до конца, как он работает.

Рассказав всё это вслух незнакомке в больничном халате, я, наконец, разобрался, почему так долго тянул с предложением. Чёртов Логан был как всегда прав. Я не был уверен. И собирался жениться только потому, что так было правильно. Так хотел её отец. Так гласил здравый

смысл, пока сердце молчало. Но я боялся, что это кольцо не поможет мне перепрыгнуть через пропасть между нами. И я кану в небытие в попытке совершить прыжок.

Рейчел как-то странно взглянула на меня, будто тоже поняла всё это.

– Из вашего сбивчивого рассказа я поняла, что ваша девушка – утончённая особа и любит шик.

С первой попытки – и в самое яблочко.

– Тогда вы должны её поразить.

– Это не так-то просто сделать...

– Гораздо проще, чем вы думаете. – Улыбнулась Рейчел. – Меня же вы поразили.

Между нашими глазами натянулась дребезжащая струна. Вот-вот лопнет, но голос за моей спиной не дал этому произойти.

– Вы ещё здесь?!

Медсестра с укором зыркнула на меня из дверного проёма. Я взглянул на наручные часы и понял, что просидел здесь совсем не пять минут. А полчаса.

– Вам пора, сэр. – Строго наказала женщина и замерла в ожидании, пока я подниму свою задницу и унесу её отсюда поскорее.

– Спасибо, что поболтали со мной. – На прощание сказала Рейчел. – И за то, что спасли мне жизнь.

– Поправляйтесь. И будьте осторожней.

– Вы ещё зайдёте?

Надежда в её медовых глазах убедила меня в том, что так и будет.

– Обещаю.

– А я обещаю подумать над вашим предложением Эмбер.

Я забрал китель, кольцо и непонятное чувство радости с собой и покинул палату.

Рейчел

Через два дня доктор Дарлинг размотал бинты, чтобы оценить, как там поживают мои раны. Боль стала стихать, но отказывалась покидать моё тело ни днём, ни ночью. Я просыпалась, когда ворочалась во сне и облезлая спина под перевязью касалась жёсткого матраца.

Тело – не душа. Его раны быстрее затягиваются. Покрываются рубцами, что не скрыть одеждой. Но они не страшнее тех рубцов, что под кожей, что скрыты в глубине. Их никто не видит, но они болят сильнее всего. Я знаю, о чём говорю, потому что легко переношу боль от ожогов, однажды обзаведясь рубцами на душе.

Со мной так же возились доктора девять лет назад, чинили и латали дыры в теле, вправляли кости, зашивали порезы. Жаль, их не учат вправлять переломы души. Стоя голышом за ширмой, покрываясь ознобом холода и смущения, чувствую неживой латекс перчаток, еле-еле касающийся бугристой кожи, и вспоминаю, как такие же перчатки на других руках осматривали гематомы после аварии. Вспоминаю умиротворённые лица родителей и брата, в этот миг покоящихся в холодильных камерах морга. И вздрагиваю, как от прикосновения с того света. Доктор Дарлинг принимает мою дрожь за реакцию на боль.

– Отёк спадает. – Выдавливает он ободряющие слова, но они мало ободряют. – Инфицирования нет. Очень хорошо.

– Долго ещё ходить с повязками?

– Неделю-две. Когда выпишем вас, придётся самостоятельно менять бинты. Если не будете справляться, можете приходить на перевязки сюда.

Затянув мою спину и грудь в очередной марлевый корсет, доктор велит одеваться, и я снова погружаюсь в накрахмаленную сорочку, в которой чувствую себя такой же раздетой. Доктор Дарлинг проделывает всё то же самое с лицом, но при этом старается выглядеть так, будто там лишь царапина от кошачьих когтей, не больше. Будто огонь не содрал мою кожу.

– Скажите честно, – прошу я. – Моё лицо... оно ведь уже не станет прежним.

Лёгкий вздох, чтобы оттянуть момент истины.

– Боюсь, что нет. Ожоги затянутся новыми тканями, покроются рубцами.

– Могу я взглянуть? – Со страхом спрашиваю я, пока увечья не успели скрыться от моих глаз бинтами.

– Лучше подождать, пока не заживёт.

– Всё так страшно?

– Могло быть хуже. – Честно признаётся доктор, сочувственно поджимая губы. – Я видел последствия пожаров, мисс Росс. Вам не о чем переживать. Ваше лицо останется таким же прекрасным.

– Лишь наполовину...

– Всегда можно прибегнуть к пластической хирургии. Современная медицина творит чудеса.

И заботливые руки доктора принимаются подготавливать материалы для повязки, как в палату входит Остин. Его взгляд едва касается моей «непрекрасной» половины и тут же виляет в сторону, как машина, чтобы не задеть выскочившего на дорогу оленя. Он ищет малейшую деталь в полупустой палате, за которую уцепиться, лишь бы не видеть того, что стало с моим лицом.

Остин бормочет, что подождёт за дверью, пока мы не закончим, и исчезает в коридоре с видом облегчения. Словно мои раны могут перекинуться и на него.

Доктор Дарлинг наводит марафет на моём обожжённом лице и ловит мой оскорблённый взгляд.

– Ваш молодой человек? Для него вы останетесь такой же.

Я благодарно киваю, делая вид, что верю в эти небылицы. Но отвращение на лице Остина сродни моим ожогам – они въелись в его лицо и никакие бинты его не скроют. Доктор похлопал меня по руке и оставил на растерзание реальности.

– Привет, Рейч. Прости, что долго не появлялся. Много работы.

Мы оба знаем, что это ложь. Остин был обычным менеджером по продажам и без него легко могли бы обойтись каких-то двадцать минут, которые он мог потратить на визит вежливости. Но он не приходил по другой причине. Просто не хотел.

Мы болтаем о пустяках, ходя вокруг да около того, что рано или поздно всё равно бы прозвучало.

– Слушай, Рейч...

– Не надо. – Прерываю я его напускное сожаление. – Я знаю, что ты хочешь сказать.

– Прости, но это слишком для меня.

– Слишком? Навещать меня в больнице или видеть моё уродство? – Не хотела срываться на грубость, но уж извините. Меня бросали парни – я в этом не новичок. Я была слишком скучна, или слишком грустна, слишком умна или серьёзна. Но никогда не была слишком уродлива.

– Рейч...

– Уходи. Не надо ничего объяснять. Не хочу слышать твою ложь. Я только что с обеда и сыта, чтобы проглатывать ещё и враньё. Просто уходи.

– Мне жаль.

И он подчиняется. Хочет сжать мою руку напоследок, но дёргается в неуверенном движении и просто уходит, даже не обернувшись, сталкиваясь в дверях с Джеком Шепардом.

Господи, только этого мне не хватало! Обзавестись свидетелем своего унижения.

– Я не вовремя. – Говорит он, мечтая провалиться сквозь землю вместе со мной.

– В самый раз. – Насильственная улыбка ещё никогда не выглядела естественно.

– Это вам. Подумал, вам захочется чего-то помимо больничной стряпни.

На моих коленях появляется пакет со связкой бананов, контейнером черники и пачкой шоколадного печенья. Лучшее лекарство для больных телом и разбитых сердцем.

– Вам не стоило.

– Не хотел приходиться с пустыми руками.

Какая ирония, если учесть, что мой парень – уже бывший парень – ни на секунду не задумался о такой мелочи. Его букет двухдневной свежести с жалостью посматривал на мой позор с подоконника, куда та неприветливая медсестра уютно пристроила в больничной вазе специально для таких случаев.

– Спасибо, я люблю чернику. И особенно шоколадное печенье.

– Оно, наверное, не такое вкусное, как то, что печёте вы.

– Как-нибудь я угощу вас своей выпечкой, и вы сами сможете проверить, так ли это.

В этот раз гость не дожидается предложения остаться и поболтать. В нашем распоряжении гораздо больше пяти минут, потому что Джек Шепард предусмотрительно подобрал время в приёмные часы.

– Вы ещё не сделали предложение? – Спрашиваю я и пугаюсь сдавливания в рёбрах, словно боясь услышать утвердительный ответ.

Сегодня он мне снился. Его лицо с кривого ракурса, пока я болталась на его руках. Сейчас у меня было больше времени на то, чтобы разглядеть его с ног до головы. Делаю это аккуратно, одним глазком, чтобы не смутить его и не выдать себя. Джек Шепард – вылитый пожарный. Первым подтверждением этому служат его широкие плечи. Ни у одного из моих знакомых нет таких внушительных плеч и крепкого тела. Сегодня их обтягивает простая чёрная футболка, купленная на какой-нибудь распродаже много лет назад, о чём вещают потёртости у горла, но сидит на нём так, словно пошита по спецзаказу. Лицо наделено той мужественной

красотой, которая ни каждой придётся по вкусу. Но мне ой как приходится. Геометрические подбородок и скулы, обросшие небрежной, но благородной щетиной. Крупный нос с игривыми крыльями, которые артистично поигрывают, подстраиваясь под любую эмоцию. Впечатляюще густые волосы, тёмные, как горький шоколад. Но самые выразительные – глаза, пытливые, ничего не упускающие из виду. Их взяли в осаду неглубокие морщинки, но они ничуть не портят вид, а лишь добавляют изюминки, как пышным кексам из «Поппи».

– Вы не первая, кто меня спрашивает. – Усмехается он. – И ответ – нет, вы ведь ещё не поделились своим планом.

– У меня было время подумать. Целая куча времени. – Зачем-то уточняю я, хотя и так понятно, что я целых два дня томила в этой палате, как рагу на плите. – У меня есть парочка идей, но не знаю, понравятся ли они вам.

Джек откинулся на спинке стула, весь во внимании. Я нервно выдохнула, заметив, как напряглись его грудные мышцы под тонкой тканью футболки, и отвела глаза.

– Если хотите поразить девушку, вам нужно играть по её правилам. Она у вас аристократична и избирательна. А ещё любит всякого рода загадки и испытания, не зря она юрист. Почему бы вам не устроить для неё маленькое расследование? Оставьте по всему дому, а может, и городу маленькие записки с загадками. Будет всё выглядеть так, что она читает загадку, в которой спрятано место следующей, а вместе с ней и какой-то маленький подарок, что напоминает об одном из ваших дней в прошлом. Как только она найдёт первую записку, запустится цепочка, пройдя которую до конца она отыщет кольцо в каком-нибудь романтическом месте, что связывает вас обоих.

Я смущённо отвела глаза, боясь, что идея показалась Джеку глупой.

– Вау. – Выслушав меня, сказал Джек. – Вы уверены, что выбрали ту профессию? – Шутливо спрашивает он. – Может, ваше – это не булочки, а организация свадеб и помолвок?

– Буду иметь в виду, если с пекарским делом ничего не выйдет. – Внезапно на меня набегают тоска, когда я невольно вспоминаю сожжённую пекарню. – А это может случиться гораздо раньше, чем я думала.

– Я видел её. Уже после пожара.

– Вы были там? Дела слишком плохи, правда?

– Понадобится время на ремонт, но не всё потеряно. Поверьте на слово человеку, который уже год ремонтирует свой дом.

– Вы собственными руками ремонтируете дом? Вот это да. Может, ваше – не тушение пожаров, а забивание гвоздей? – В его же духе спрашиваю я.

– Буду иметь в виду, если с пожарами ничего не получится.

Мы улыбаемся друг другу, как два старых друга, вспомнивших только им понятную шутку.

– Давно вы этим занимаетесь? – Спрашиваю я, желая узнать как можно больше о Джеке Шепарде. Это ведь обычное дело, правда? Хотеть сблизиться с человеком, которому ты обязан жизнью. Да, именно так, выберу такой вариант, чтобы оправдать своё любопытство.

– Тушу пожары или ремонтирую дома?

– И то, и другое.

– Уже восемь лет. И то, и другое. – Улыбается он, но не вдаётся в подробности. То ли ему сложно об этом рассказывать, то ли он из тех немногословных парней, из которых приходится выуживать информацию, как из подозреваемых. Не хватает только «плохого полицейского» и лампы с ослепительным светом, чтобы уткнуть ему в лицо.

– Вам тяжело об этом вспоминать?

Джек Шепард отводит глаза в притворном интересе к чему-то за окном.

– Моя сестра погибла при пожаре.

– Мне очень жаль. Извините моё любопытство.

– Ничего. Это было так давно, что иногда кажется чем-то нереальным.

– Если не хотите рассказывать, можем поговорить о чём-то другом. Джерри говорит, я неплохой собеседник. – Моё шутливое замечание разламывает прочный панцирь, которым Джек окружил себя.

– Нет, всё в порядке. Это случилось восемь лет назад. Наш семейный дом загорелся, как и ваша пекарня. Из-за старой проводки, до которой не доходили руки. Родителей не было дома, они уже ушли на работу, но сестра спала на втором этаже и ни о чём не подозревала. Даже не почувяла дыма и не услышала, как огонь скрипит половицами, пробираясь к ней по лестнице. Она всегда спала, как убитая. Маме приходилось по пять раз подниматься к ней, чтобы разбудить перед школой.

– Это ужасно. Мне очень-очень жаль.

– Пламя заметил сосед и вызвал пожарных, но те опоздали. Сестру вынесли до того, как сгорели комнаты на втором этаже, но она успела наглотаться дыма. И уже не проснулась.

Джек ёрзает на стуле, словно сидит на раскалённых углях или острых иглах. Но по-прежнему на меня не смотрит. Что-то подсказывает мне, что он нечасто делится этой историей, тем более с еле знакомыми жертвами пожара.

– Это неправильно, но иногда я думаю... хорошо, что она не проснулась. Не успела испугаться или почувствовать боль. Её смерть была ужасной, но тихой и безболезненной. А я уж знаю, каким убийственным может быть огонь.

Теперь и я знала. Мало того, на моём теле останутся отчётливые напоминания о том, как опасно кусает огонь, если подпустить его слишком близко.

– Родители так и не оправились после случившегося, впрочем, никто из нас не оправился. Они почти год жили в моей квартире, ремонтируя дом. Его можно было бы починить гораздо быстрее, но, думаю, им было невыносимо возвращаться в него. Тогда-то я и освоил строительное дело. Тогда-то и бросил работу механиком и пошёл в пожарные.

– Ради сестры...

– И ради всех, кто когда-либо страдал от огня и ещё может пострадать.

Я покраснела от глупой мысли: в каком-то смысле он сделал это и ради меня. Я ведь сижу здесь, на неудобной больничной постели, вся в бинтах и ожогах.

– Это очень смело и благородно.

– Никогда не думал об этом в таком ключе.

– Как её звали? Вашу сестру?

Его глаза, потемневшие на несколько тонов от скопившихся внутри сожалений и скорби, наконец-то задерживаются на мне с благодарным блеском, что я спросила.

– Лили. – Выдыхает он четыре буквы, а то и весь кислород. – Её звали Лили.

– Красивое имя.

– Ей было семнадцать, у нас довольно большая разница в возрасте. Он только заканчивала школу и хотела поехать учиться в орегонский колледж искусств. Мечтала стать дизайнером. Лили здорово рисовала и обладала тонким вкусом во всём.

– И вы до сих пор ремонтируете ваш семейный дом?

– Нет. Как только прибили последний гвоздь, родители продали дом, потому что не могли жить там, где умерла их дочь. Ни в том же доме, ни в том же городе. Они уехали к побережью и осели в крохотном городке. Сисайд, может, слышали?

– Я бывала там однажды проездом. Красивое место.

– А главное, далеко от Портленда и прошлого.

Я бы тоже могла поведать трагичную историю семьи, но гость решает, что хватит предаваться скорбным воспоминаниям, и начинает расспрашивать меня о работе. Остин никогда не интересовался тем, что я делаю и что люблю больше всего. И уже никогда не поинтересуется. Не узнает, что каждое утро ровно в пять я уже на кухне включаю духовку, разогреваю печи

и достаю заготовки из холодильника. Не узнает, как меня успокаивает и вдохновляет сам процесс, когда руки по локоть в муке, когда ложка в зауценном темпе размешивает тесто, когда пальцы погружаются в клейкое месиво, которому суждено стать ароматными булочками. Джек же даже невольно облизывается, когда слушает обо всех этих коричных улитках, сахарных рогаликах и ягодных пирогах, которые я достаю из духовок и отношу на витрину за несколько минут до открытия. Первым покупателям везёт больше всего – на работу они идут в приподнятом настроении, насытившись пышным тестом во всевозможной вариации.

– Будь я на вашем месте, я бы весил сто пятьдесят кило, потому что съедал бы всё, что готовлю. – Улыбается Джек, и я задорно смеюсь, пока он наблюдает за каждым звуком моего смеха, будто те вылетают изо рта в виде мультяшных нарисованных нот, а не чего-то неосязаемого.

Я открываю было рот, чтобы выдать блестящую шутку, но тут же закрываю, когда мой телефон пиликает.

– Это Джерри. Извините, я отвечаю.

Джек поднимается и отходит к окну, чтобы не подслушивать, хотя, естественно, слышит каждое слово. Джерри извиняется, что не сможет прийти в приёмные часы, потому что возится на пепелище, избавляясь от улик пожара. Он хочет как можно скорее приступить к ремонту, пока окончательно не обанкротился. Пока во второй раз не прогорел до фасада.

– И, Рейчел, ты не могла бы попросить Остина присмотреть за Лолой? – Стыдливо спрашивает он. – Мне не сложно, ты же знаешь, но я не могу выдержать и пяти минут рядом с ней, начинаю задыхаться.

Но Остин уже не может. И не смог бы, не пошли я его куда подальше. Он был не из тех, кто срывается по первой просьбе и мчится с другого конца города, чтобы прийти на помощь. Он вообще отъявленный эгоист и, что уж греха таить, полный засранец. Истинная натура человека всплывает в самые нужные моменты. Хочешь узнать, любит ли тебя мужчина, побывай в эпицентре пожара и заполучи парочку ожогов. Остин эту проверку не прошёл.

– Боюсь, Джерри, что Остин не поможет.

– Это ещё почему? – Тоном рассерженного отца спрашивает Джерри. Остин ему никогда не нравился, теперь-то я осознанно становлюсь на его сторону.

– Он... ушёл. Я прогнала его. – Отвечаю я, поглядывая в сторону Джека, но тот учтиво делает вид, что его здесь нет. Но он здесь. И это присутствие приносит радость, облегчение, но и стыд. Не хочу, чтобы он знал, как со мной обошлись. Не хочу, чтобы жалел или думал, что я недостойна даже удержать такого идиота, как Остин Палмер.

В трубке слышится суровое «почему?», но я уклоняюсь от ответа, как от пули.

– Просто мы не созданы друг для друга.

– Он хотел тебя бросить, – шипит Джерри. – Я прав? Испугался ответственности...

– Скорее моего уродства.

– Не смей так говорить, милая.

– Я не боюсь смотреть правде в глаза.

Джерри вздыхает. Мой милый, надёжный, заботливый Джерри, который взял на себя роль отца, когда тот вылетел через лобовое и сломал себе шею. Роль доброго друга, когда я отгородилась от всех приятелей непробиваемой стеной из кирпича и боли.

– В том, что ты говоришь, ни доли правды. Всё заживёт, Рейчел, вот увидишь. Я ещё позвоню. Постараюсь что-то придумать с Лолой, пока тебя не выпишут.

Я сбрасываю звонок и ещё несколько секунд пялюсь на постепенно гаснущий экран.

– Что-то случилось?

Теперь Джеку не нужно притворяться, что он не слушает. Рассматривая хмурые чёрточки моего лица, он по-настоящему озабочен. Интересно, он сбежал бы, как Остин, при виде моих ожогов?

– Моя собака. За ней некому присмотреть. Джерри два дня выводил её на прогулки и кормил, но у него страшная аллергия на шерсть. Ещё парочка таких дней, и он окажется в соседней палате с приступом анафилактического шока.

Конечно, было бы неплохо обзавестись такой приятной компанией, но я просто не могу потерять ещё и Джерри. Слишком много потерь в моей жизни. Слишком мало чего осталось. Жалкая квартирка с одной спальней в Хэзелвуде, да ещё Лола, что повсюду оставляет радость и клочки шерсти.

– Придётся просить соседку. – Бормочу я, скорее самой себе. Вряд ли Джека волнуют такие вопросы.

– Я мог бы с ней погулять. – Внезапно говорит он, и его предложение щекочет мне желудок.

– Ну что вы, я не вправе о таком просить.

– Вы и не просите. Я ведь сам предложил.

Мы начинаем перестрелку фразами «за» и «против», но Джек побеждает, и, порывшись в сумочке, я протягиваю ключи совершенно незнакомому человеку. И при этом ощущаю себя спокойнее некуда.

– Теперь я обязана вам по гроб жизни. Вы во второй раз меня спасаете.

– Всего лишь хочу помочь.

Я объясняю ему, где стоит корм, где висит поводок, как общаться с Лолой, и понимаю, как сильно по ней соскучилась. Жаль, её нельзя притащить в больницу и забрать с собой под одеяло, как мы делали дома. Хочу обнять её изящную шею и прижать к себе, как малое дитя. Уткнуться носом в мягкую, воздушную шерсть и почувствовать родной запах, в котором нет примесей костра или хлорки. Чтобы Лола стерегла мой сон своими умными, голубыми глазёнками, в которых столько добра и любви, что порой становится невыносимо от этого взгляда.

– Она очень добрая, но ведёт себя осторожно с незнакомцами. – Предупреждаю я. – Но не бойтесь, она не кусается. Дайте ей вас обнюхать и немного привыкнуть. – От мысли, что Джек может вызвать привыкание, потому что задержится в моём доме, в моей жизни дольше положенного, заставляет мою кожу гореть сильнее, чем ожог второй степени.

– Надеюсь, Лола – не тибетский мастиф? – Криво усмехается Джек.

– Всего лишь аусси. – Видя непонимание на его лице, я смеюсь. – Австралийская овчарка.

Мы ещё перекидываемся словами, хотя в воздухе витает отчётливый сигнал, что гостю пора. Я снова рассыпаюсь в благодарностях. Такими темпами я окончательно рассыплюсь, как замок из песка, на который наступила чья-то нога.

В самых дверях Джек Шепард оборачивается и несколько мгновений разглядывает моё лицо, после чего без тени улыбки говорит:

– Вы ошибаетесь. Поступок Остина называется уродством, не ваши раны.

– А как же тогда назвать моё покорёженное лицо? – Запальчиво отзываюсь я.

Он заглядывает в самую душу, копаясь там и наводя порядок. И отвечает всего одним словом:

– Красотой.

Джек

Нога осиливает последнюю ступеньку больничного крыльца, как приходит сообщение от Эмбер.

Родители ждут нас через час. Надеюсь, ты не забыл. Целую.

Я бы и рад позабыть об этом ужине в царских хоромаш семейства Гринвуд, но он слишком тревожит, чтобы так просто выкинуть его из памяти, как старую газету. Последние три года, когда отец Эмбер смирился – или сделал вид, что смирился – с моим присутствием рядом с его ненаглядной дочерью, эти ужины стали вынужденным ритуалом. Раз в месяц приходилось наряжаться в лучшую рубашку, которая появилась в моём спартанском гардеробе с барского плеча Эмбер, и проглатывать сочных перепелов в каком-нибудь изощрённом соусе. А заодно и придирки Джонатана Гринвуда. И если мой желудок уже научился переваривать слишком нежное мясо, то порицание будущего тестя ложилось там комом.

За час я управлюсь с собакой Рейчел и с рубашкой, чтобы явиться на порог особняка Гринвудов минута в минуту. Заведя мотор, я проезжаю длинную вереницу окон, заглядывая в каждое на третьем этаже, и вижу силуэт с марлевым квадратом-заплаткой на правой щеке. Рука чуть дёргается в желании помахать наблюдательнице, но что-то меня останавливает. Всё это противоестественно. Я еду в квартиру женщины, которую знаю всего двое суток, чтобы выгулять собаку, которую и вовсе не знаю. Логан сказал бы, я прячусь от реальности, сбегая, лишь бы не пускать кольцо в ход. Что он понимает? Это всего лишь добрый жест, желание помочь, нарушить привычные устои пожарных не вмешиваться в жизни тех, кого мы спасаем. Но голос внутри обвиняет меня во лжи.

Район Хэзелвуда встречает меня симпатичными низенькими домиками, потёртыми и поводавшими жизнь, как стайка стариков с пигментными пятнами по всему телу. Рейчел живёт у самого парка Глендовир, в трёхэтажном кирпичном строении с пожарной лестницей, что проходит сквозь все этажи, как вена сквозь всё тело. Паркуюсь в тени размашистого тополя и неуверенно двигаюсь в сторону подъезда. Ключи в руках кажутся инородным предметом, диковинкой, которую я случайно подобрал по пути. Здравый смысл твердит, что я совершаю глупость, что я выжил из ума, что не стоит влезать в чужую квартиру и в чужую жизнь. Но сердцу плевать на доводы рассудка. Оно учащённо бьётся от того, что я увижу жизнь Рейчел Росс изнутри.

В доме ни консьержа, ни лифта. Ещё один разительный контраст между Рейчел и моей Эмбер. Они – словно две противоположности. Хот-дог из забегаловки и французские изыски в пятизвёздочном ресторане. Но я ловлю себя на мысли, что всегда предпочитал простую еду деликатесам.

Дверь в квартиру 3а хлопкая, не устоит от лёгкого пинка ногой. Хоромы Эмбер стережёт не только консьерж, но и массивная металлическая дверь, которую и тараном не пробить. Когда я вставляю ключ в замок, за дверью слышится шуршание и возня. Кто-то скребётся, то ли пытаюсь спрятаться от неожиданных гостей, то ли пытаюсь выбраться из одинокого заточения.

– Привет, Лола. – Как можно дружелюбнее говорю я, чтобы она не учуяла опасности в моём голосе.

Меня приветствуют тихим рычанием, двумя рыками и жалким скулёжом. Два голубых глаза внимательно рассматривают незнакомца, что пожаловал домой.

– Что, милая, думала, это твоя хозяйка? Прости, но она вернётся только через несколько дней. Придётся тебе потерпеть меня.

Лола громко лает и начинает подрагивать хвостом, словно понимает каждое моё слово и из великодушия соглашается на мою компанию. Медленно делает несколько шагов в мою сторону, вытягивает пушистую шею и обнюхивает подошвы ботинок. Я стою, не двигаясь, словно

статуя из гипса и ожидания, пока животное ко мне привыкнет. Это происходит быстрее, чем я опасался, и, когда мохнатая голова поднимается, в глазах уже нет той опаски, что секунду назад. Меня приняли в стаю.

– Умница. – Улыбаюсь я, опускаясь на одно колено и запуская руки в бархатную, тёплую шерсть. Хвост пускается летать по кругу, как пропеллер, язык высовывается от наслаждения. Лолин. Не мой. Хотя я тоже получаю удовольствие от этого почёсывания.

Я всегда любил животных и был заядлым собачником. Но завести собственную никак не решался. Сперва родители были против, потом хозяин съёмной квартиры, а потом и Эмбер. Она пришла в дикий ужас, когда я выказал желание взять кого-нибудь из приюта. Не хотела, чтобы её дизайнерские вещи покрывались вонючими шерстинками каждый раз, как она станет ночевать у меня.

– Знаешь, сколько стоит химчистка шёлка? – Заявила она, указывая на свою блузку. Будто ни у неё, ни у её семьи не было лишних двадцати баксов на такую ерунду. – К тому же, собака – огромная ответственность. А ты вечно пропадаешь на сменах. Я не смогу сидеть с твоим псом каждый раз, как ты будешь тушить пожар.

Эмбер решила всё за нас двоих. Как всегда. Так её воспитал отец: изнежил любовью, взрастил своё подобие. И сегодня их бурлящая смесь самоуверенности и превосходства сварит меня до потрохов.

– Идём, девочка, посмотрим, есть ли у тебя еда.

Я отвлёкся от дружелюбной мордочки и осмелился поднять глаза на квартиру. Было неловко вторгаться в мир Рейчел, но любопытство было сильнее моральных устоев. Было в ней что-то такое, что хотелось изучить, разгадать, окунуться с головой, как в холодную реку в знойном июле.

Квартирка была небольшой, но уютной. Всё здесь обставляли с любовью, с душой. Вместо белых поверхностей в королевских покоях Эмбер, всё здесь смешивалось в яркую палитру красок. Бледно-розовые обои в цветочек плавно перетекали в старый паркет, потёртый, но хранящий следы всех, кто когда-либо по нему ходил. В отличие от голых полов у Эмбер, которая не признавала ковров, у дивана расстелился ворсистый коврик всё в тот же цветочек. Тут же захотелось растянуться на нём и отпустить все мысли в свободный полёт. Просто, но со вкусом. Наверное, то же самое можно было сказать и о хозяйке. У Эмбер тоже был вкус, но совсем иного рода. Терпкий, будоражащий, как глоток французского вина. Вовсе не этот приятный, ненавязчивый оттенок обычного шардоне.

Я одёрнул себя за то, что неустанно сравниваю двух женщин, и прошёл вглубь квартирки.

Кухня блестела чистотой и сразу выдавала в Рейчел пекаря. Шкафчики приютили разнообразные бытовые приборы, о предназначении которых я мог лишь догадываться. Узнал лишь миксер с чашей и тостер, остальное было причудливыми изобретениями из другого мира.

Лола следовала за мной хвостиком, то ли радуясь присутствию живой души, то ли подстерегая, чтобы я не украл чего-нибудь. Всё же для неё я был пришельцем, от которого неизвестно чего ждать.

Миски под подоконником опустели. Иссушенные оазисы в пекущей пустыне. Вспомнив указания Рейчел, я залез в нижний шкафчик у плиты и достал пакет с кормом. Едва тот зашелестел в моих неаккуратных руках, Лола стала извиваться у ног ужиком.

– Проголодалась, девочка?

Я наполнил миски хрустящими подушечками и водой, и когда Лола закончила долгожданную трапезу, нацепил на неё ошейник и вывел в парк. Не знаю, спускает ли Рейчел её с поводка на прогулках, но рисковать не стал. У меня нет ни единой лишней минуты на то, чтобы гоняться за проворной собакой по всему Глендовиру. Через пять минут я вошёл в ритм неспешного маршрута, который выбирала сама Лола. По пути встречались бегуны, дети, тыкающие в Лолу пальчиками и вопящие «ав-ав!» и такие же собачники.

Хвост Лолы забился в неистовой радости, когда она ещё издали учуяла что-то. Через секунду она уже резвилась вокруг белой дворняги, выписывая кульбиты, которым позавидовали бы матёрые акробаты. Они кувыркались у моих ног, так что приходилось то и дело обступать их, словно глубокие лужи.

– Извините, – послышался голос за спиной. – Горди принял вашу девочку за Лолу.

Хозяйка того самого Горди, что попрыгунчиком скакал вокруг Лолы, присмотрелась повнимательнее и сама себе сказала:

– Погодите, это же и есть Лола. – Глаза переместились на меня, не вписывающегося в привычную формулу.

– Да, она самая.

– Обычно с ней гуляет Рейчел.

– Я её... приятель. Помогаю, пока она в больнице.

Женщину испугали мои слова, она машинально приложила ладонь к сердцу.

– С ней всё в порядке?

– Она немного пострадала после пожара в пекарне. Но с ней всё хорошо.

– Боже, какой ужас! Наверное, надо бы её навестить.

Не помню, чтобы к палате Рейчел выстраивалась очередь из посетителей. Я, да старина Джерри. Наверняка, она обрадуется знакомому лицу.

– Это отличная мысль. Она будет рада.

Я рассказал, где можно отыскать Рейчел, и, подождав, пока собаки вдоволь наиграются, пошёл себе дальше, но мысленно возвращался к медовым глазам Рейчел и той части лица, что не скрывали повязки. Сообщение от Эмбер пристыдило меня.

Я думала, мы вместе поедem к родителям. Ты где?

Я не стал говорить, что выгуливаю собаку женщины, которую вынес из пожара. О которой думаю пару раз в час последние два дня. Я сам не понимал, что это значит, а Эмбер и подавно не поймёт.

Давай встретимся там. У меня дела.

Набрал я ответ и поспешил вернуть Лолу на законное место, пока окончательно не опоздал и не вызвал очередной вздох разочарования Джонатана Гринвуда.

– Веди себя хорошо. – Попросил я, словно оставлял десятилетнего ребёнка одного дома.

– Твоя хозяйка скоро вернётся.

Сердце заныло, когда Лола послушно уселась на коврике перед дверью и глядела на меня со смесью жалости и мольбы.

– Я не могу взять тебя с собой, Лола.

И чтобы не передумать, поскорее шмыгнул за порог и запер замок. За гулкими шагами по лестнице я различил, как лапы заскреблись по деревянной двери. Как жалобный стон просочился сквозь щель. Собрав всё своё мужество в кулак, я ушёл, почти влетел в свой лофт несколькими милями выше по карте, и влез в рубашку так же быстро, как в форменный комбинезон. Если бы кто-то засёк время, я бы, быть может, смог побить мировой рекорд среди пожарных. Рукава рубашки были мяты, будто только-только она открутилась в барабане стиральной машины. Я так и представлял неодобрительный хмык Эмбер и такой же неодобрительный взгляд будущего тестя. На слове тесть мой желудок свернуло в узел.

Пробка на Эверетт-стрит задержала меня на пятнадцать минут, так что я припозднился и прибыл к ужину в неурочный час.

– Джек. – Кивнул мне Джонатан, отворяя дверь. На нём была идеально отглаженная рубашка, с пылу с жару вытянутая из-под утюга. Седые волосы подстрижены в постойке смирно, щёки идеально выбриты, как в рекламе «Джилет». Я же подошёл бы лишь для ролика какого-нибудь набора отвёрток. – Запаздываешь. – Говорит он вместо радушного приветствия.

– Простите, был занят.

– Входи. Все уже за столом.

Из столовой раздаётся смех и попеременно с голосами Эмбер и её матери отчётливо звучит третий, мужской. Когда я вижу лишнего гостя за столом-громадиной, устеленным белой скатертью – Эмбер бы возразила, что это цвет слоновой кости – понимаю, что значит это «все».

– Дорогой. – Эмбер отрывается от беседы с соседом, встаёт во всей своей грациозности и великолепии и целует меня в щёку. Она так красива, так удушающе вкусно пахнет, что я тут же прогоняю из головы аромат больничного душка и лёгкий цветочный запах Рейчел.

– Здравствуй, Джек! – Улыбается со своего места Айрин Гринвуд, но воздерживается от поцелуя в духе доброй тёщи.

– Джек, рад тебя видеть!

Моё внимание концентрируется вокруг ещё одного героя этого скучного действия, который сперва кажется мне незнакомым, но я вспоминаю вечеринку в честь двадцать пятого дня рождения Эмбер и этого молодца, вьюном сопровождающего её от бара до танцпола и обратно.

– Дориан. – Киваю я, не разделяя его радости от встречи.

Зачем Гринвудам звать на семейный ужин Дориана Лэнгли? Всё, что я о нём помню: один из партнёров фирмы, без ума от гольфа и от моей девушки. Может, по этой причине он и сидит за общим столом? Джонатан всё ещё пытается подобрать для дочери партию получше неотёсанного пожарного в мятой рубашке и двухдневной щетине?

Так и хочется спросить, по какому поводу пирушка. Да ещё и в компании постороннего, но оставляю свой ядовитый язык смиренно лежать на месте, потому что чувствую себя более посторонним, чем Дориан Лэнгли.

Мама Эмбер рассаживает всех за стол и устраивает показ блюд, хотя стол и так ломится от закусок. Образцово выносит поросёнка под румяной корочкой, начинённого яблоками и чем-то ещё. Дымящийся гратен дофинуа. По мне, так это обычная картошка под соусом, но Айрин твёрдо убеждена, что название произносится по-другому и гордо объявляет об этом всем собравшимся. Последней в столовую всплывает форель, от вида которой у меня пропадает аппетит. Ненавижу, когда семья Эмбер устраивает представление. Но у аристократов свои причуды.

Вилки стучат по тарелкам, как на выступлении оркестра. Я единственный вожусь с ножом, как неумеха, впервые взявший в руке столь изощрённое орудие. Хвалю кулинарные способности хозяйки, потому что именно этого от меня и ждут, хотя тонкие косточки поросычей ножки застревают в горле. Я бы с радостью предпочёл острые крылышки из «КФС» или бургер из забегаловки у моего лофта, но подобная еда вызвала бы у всех за столом сердечный приступ.

Джонатан спрашивает о моей работе, хотя я знаю, что она его мало волнует. Вот если бы я владел трастовым фондом или спекулировал на бирже, он бы пылинки сдувал даже с моей мятой рубашки. Когда Дориан перехватывает беседу в свои руки, отец Эмбер именно так и делает. Сдувает пылинки, но уже с него. Тот рассказывает какую-то адвокатскую шутку, к которой я прислушиваюсь лишь вполуха, и все заливаются смехом. Не гоготом, который царит в комнате отдыха в нашей пожарной части. А сдержанным, высокопарным смехом, как в царской опочивальне.

Хозяин сего манерного собрания подливает себе и жене вина, красного, как густая кровь. Дориан то же самое проделывает с бокалом Эмбер, и бровью не поведя, что эта привилегия её парня. Мой бокал, поставленный из сущей вежливости, томится жаждой, потому что я никогда не пью на этих семейных ужинах.

– Мне ещё за руль. – Как обычно отговариваюсь я, но запросто мог бы заказать такси, просто не хочу, чтобы красная кислятина засорила все мои внутренности. Пусть она и стоит несколько сотен за бутылку.

– У меня тост. – Провозглашает Джонатан и даже поднимается в качестве особого почтения. И, конечно, всё его тело поворачивается не в мою сторону, а в сторону Дориана, а тот так и светится, как отполированное серебро. – Дориан сегодня выиграл одно из самых крупных дел за всю историю «Гринвуд и Стоун».

Айрин восхищённо ахает, Эмбер ободряюще похлопывает гостя по плечу, отчего меня скручивает лёгкой ревностью.

– Эта победа далась нелегко, – Джонатан подмигивает своему протеже. Не знаю, что должен сделать я, чтобы он так же подмигнул и мне. – Но принесла компании невероятную прибыль. Представляешь, Джек... – Впервые я заслужил его внимание и то, чтобы вознести свою скромную похвалу этому мальцу, вернее, чтобы ткнуть меня носом в мою несостоятельность, как мужчины. – Дориан заработал столько, сколько не зарабатывал за успешное дело ни один партнёр «Гринвуд и Стоун» за последние... да что уж там, за всё время. Только один человек смог переплюнуть эту цифру.

– И это вы, сэр! – Послушно подхалимничает Дориан, наслаждаясь своей минутой славы.

Я и так не переносил ужины в царстве богатых и могущественных Гринвудов, но сегодня моё отвращение перешло все границы. Отравило все мои внутренности и чуть не прорвалось наружу, но я плотно сжал зубы, задерживая его внутри. Там, где ему самое место и где никто его не увидит.

– За Дориана! – Провозглашает отец Эмбер, приподнимая бокал, как знамя.

– За Дориана! – Вторят ему Эмбер и Айрин, а я радуюсь, что мой бокал пуст, иначе бы я просто не смог выдавить из себя ни одного хвalebного звука.

– Дориан, дорогой, – обращается к гостю Айрин, как к сыну, при этом изящно выковыривая рыбное филе и так же изящно припрятывая его за губами, сплошь в помаде. – Расскажи нам об этом процессе побольше. Ты ведь знаешь, что эти двое хранят свою работу в тайне от меня.

Ко второму предложению скучного повествования я успел отключиться. Этим людям не было никакого дела до того, чем занимаюсь я, а мне – чем занимаются они. Взаимный обмен нелюбезностями. Перебирая зубьями вилки салат с креветками, я вспоминаю слова Рейчел о предложении. Я мог бы воспользоваться подсказкой и устроить Эмбер эту штуку с записками. Или же сделать этот шаг в кругу семьи, в которую я войду лишь на птичьих правах. Хорошо, что я оставил кольцо в своём тайнике – под стопкой трусов в верхнем ящике комода. Там Эмбер ни за что не станет рыться, а кольцо спокойно дожждётся своего часа.

Последний аккорд ненавистного рассказа отыграл, за это все и выпили по третьему кругу, а я отстрелялся стаканом воды. Не хочется пить за подвиги другого парня, что притворно краснеет от повышенного внимания к своей персоне.

– Объявляю перерыв. – Хлопнула в ладоши Айрин. – А потом жду всех за столом на чай. Вас ждёт сюрприз.

Как глава семьи, словно лев – вожак прайда, Джонатан пригладил и без того идеальную причёску и подошёл к старинному шкафу с резными завитками по периметру.

– Кто не прочь выкурить со мной по сигаре? Кубинские, высший сорт. – Из-за дверцы показалась коробка, в которой и лежали те самые первоклассные сигары.

– Ну, вы не оставляете мне выбора. – Дориан услужливо протянул руку за своей сигарой. Отец Эмбер взглянул на меня из-под ровных бровей.

– Джек?

– Спасибо, вы же знаете, я не курю. Я лучше помогу Айрин убрать со стола.

Да уж, я не оправдывал ожиданий Гринвуда-старшего по всем параметрам. Если бы на меня составляли список заслуг, то напротив каждой графы стоял бы жирный прочерк.

– Спасибо, дорогой. – Улыбнулась Айрин, когда я повторял за ней движения. Тарелка в тарелку – и в раковину. Когда стол более или менее подчистился, а Айрин разбиралась с посудомоечной машиной, Эмбер прокралась со спины и нежно пристроилась сзади.

– Наконец-то я могу так сделать. – Проворковала сказала она, и я ответил на эти телячьи нежности. Такая Эмбер мне нравилась, в такую я и влюбился. Нежную, мягкую, как слоёный торт. Но под кремовым слоем всегда шёл твёрдый корж, не успевший пропитаться и размякнуть.

– Я соскучилась. – Сказала она и потёрлась носом о рельеф моей рубашки.

– Я тоже. Словно месяц тебя не видел.

– Сложное дело, ты же знаешь. Нужно было хорошенько подготовиться.

Как всегда.

– Но я готова загладить свою вину. Как насчёт того, чтобы сегодня поехать к тебе, где ты будешь всю ночь принимать мои извинения?

– Мне нравится.

Поцелуй вышел долгим и чувственным, словно я откусил ломоть тающего во рту бисквита. Как я могу сомневаться в нас? Если отбросить подобные ужины, придирки её отца и весь этот пафос, Эмбер была идеальна. Независимая, она умела быть и податливой, как олово. Красивая до безобразия, аж ноги подкашиваются. Она знала самые тёмные уголки моей души и принимала их, в отличие от любимого папочки. При этом была в своём уме, чтобы не слушать его наставлений, а слушать своё сердце. А оно говорило ей, что я достоин.

– Хватит миловаться, голубки. – Раздался басовитый и слегка недовольный голос Джонатана. Мы тут же отстранились друг от друга, словно подростки пойманные в неглиже в родительской спальне. Дориан отвёл глаза и нашёл что-то интересное на ковре.

Блин, да этот парень ревновал Эмбер. Нельзя не заметить, как он смотрит на мою девушку и мечтает, чтобы на одном из вызовов пожар проглотил меня вместе с каской. Как только останемся с Эмбер наедине, надо обсудить то, как тесно они общаются с её тайным воздыхателем. Во мне проснулся яростный собственник.

Мы расселись за стол по второму кругу и дожидались чая и обещанного сюрприза. Айрин с триумфальным видом внесла блюдо с тортом в форме судебного молотка и водрузила в центре стола, чтобы все полюбовались.

– Ого! Вы сами испекли? – Пустил в ход свою лезть Дориан.

– Ну что ты! Меняхватило на салат и гратен дофинуа, – *по простому, картошку в соусе* – а это приготовили по специальному заказу ещё два дня назад. Я нашла чудесную пекарню на Кинг-роуд.

Только сейчас меня увлёк разговор о каком-то там торте. Пекарня. Кинг-роуд.

– Случайно, её название не «Поппи»? – Чуть ли не впервые встрял в разговор я.

Четыре пары глаз удивлённо уставились на меня.

– Да, «Поппи». – Кивнула мама Эмбер. – Ты знаешь это замечательное место?

Рейчел. Я весь вечер отгораживался от воспоминаний о ней, но она продолжала возвращаться в мою голову, вторгаться в мою жизнь.

– Да. Два дня назад наша бригада выезжала туда на вызов. Короткое замыкание. Пекарня наполовину сгорела.

– Бог мой, кошмар-то какой! – Наконец-то на лице Айрин отразились человеческие эмоции. Она не ожидала такой новости. – Никто не пострадал?

– Было ещё рано, пекарня не успела открыться, так что внутри была только...

Рейчел, чуть не брякнул я, но вовремя заменил её имя более безопасным словом:

– Девушка-пекарь.

– Ох, та чудесная девушка, что сделала этот торт?

Так этот молоток из коржей и крема – дело рук Рейчел?

– Она цела?

– Получила ожоги второй степени на спине и лице.

– Как жаль. – Проговорила Эмбер. – Хорошо, что она осталась жива, но ожоги второй степени... Наверняка, на её лице останутся шрамы.

– Да, не повезло. – Подхватила её мать. – Красота для девушки главное.

Почему в этом мире всех волновали лишь шрамы, несовершенства человеческого тела? Этот Остин, Эмбер, Айрин. Никого из них не волновало, как сильно Рейчел испугалась. Что успела попрощаться с жизнью, когда убегала от огня. Как чувствовала себя сломленной, ущербной, одинокой – я видел это в глубине её глаз. То, что с ней случилось, навсегда её изменит. Пожар меняет людей, не важно, на какой ты стороне – воина в каске или жертвы с ожогами. Но все кругом говорят лишь о красоте. О том, что остаётся после пожара снаружи, а не что внутри.

– Владельцу кафе придётся туго. – Со знанием дела заявил Джонатан, попивая свой дорожный молочный улун прямоком с китайских плантаций. – Восстановить помещение после пожара... хм... влетит ему в копеечку.

– Да уж, жаль. – Повторно вздохнула Айрин. – Жалко терять такое чудное место. Вы только попробуйте этот торт!

И Рейчел с её увечьями, пекарня с её прахом остались забыты за поеданием торта в форме судебного молотка. От тоски и досады меня замутило, и я не стал пробовать кондитерский шедевр, пусть он был приготовлен умелыми руками Рейчел. Просто не мог как ни в чём не бывало запихивать влажный бисквит в рот, хоть и мучился жаждой. Всё чаепитие я поддерживал свой статус молчуна и далеко не души компании, мечтая поскорее запрыгнуть в пикап и умчаться отсюда подальше.

Мобильник в кармане брюк завибрировал. Хорошо, что я додумался поставить его на беззвучный, иначе выслушал бы длительную лекцию о том, что «за ужином никаких телефонов».

Надеюсь, вы подружились с Лолой?

Рейчел словно услышала, что мы говорили о ней, и решила вмешаться. Я улыбнулся сообщению, как самому светлому и знаменательному событию всего вечера. Беседа перескочила на какого-то Лютера из семейной конторы, потом на Бренду из отдела кадров, и ни у кого не возникло мысли, что я не знаю ни одного из них и не могу ни поддержать беседу, ни поучаствовать в общем настроении. Никто и не заметил, что я отвлёкся на телефон под столом. Я был невзрачным пятном на их скатерти цвета слоновой кости.

По крайней мере, не покусали друг друга.

Ответ пришёл сразу же.

Рада, что вы друг другу понравились. Лола не любит чужаков.

И потом ещё одно сообщение.

Ко мне заходила Летти. Это та женщина с Горди. Спасибо вам, что сказали ей, где меня найти. Было приятно, что она вспомнила обо мне.

Теплота потекла по глотке, как если бы я хлебнул этого упоительного вина. Особенно, когда вслед за этим пришло следующее смс.

Приятно, что и вы не забываете.

Я написал в ответ:

Завтра могу снова вывести Лолу на прогулку.

Было бы замечательно. Скоро придётся заводить список того, за что я вам должна отплатить.

Я знаю, как вам отблагодарить меня раз и навсегда.

И как же? Я в нетерпении.

Испеките мне кекс с изюмом.

Так просто? Заказали бы хотя бы трёхъярусный торт с самой невероятной начинкой, чтобы я провозилась два дня.

Я поднял глаза на растащенный по тарелкам торт. От молотка осталась лишь палка. Мне не хотелось чего-то столь напыщенного и претензионного, поэтому я выложил всё начистоту:

Кекс с изюмом любила Лили. Мама всегда пекла его на её день рождения. Он совсем скоро. Подумал, так будет правильно.

Ответ долго не приходил, и я уж подумал, что ляпнул что-то не то. Прислушался к беседе – моего выпада из разговора даже никто не заметил. Мобильник кратко завибрировал.

Я испеку вам самый замечательный кекс с изюмом, который вы только пробовали. Ради Лили.

И моё сердце на секунду разрыдалось тоской.

***

– С кем ты переписывался весь вечер?

Вопрос Эмбер ударил в меня вместе с порывом ветра в лобовое. Мы наконец распрошались с её родителями, выслушали вежливый отказ Дориана подбросить его, и поехали в сторону моего лофта исполнять задуманные планы на ночь. Я ждал приятного продолжения вечера в компании любимой девушки. Но не такого вопроса.

– С Логаном. – Вру я с маской абсолютного спокойствия, хотя сам дёргаюсь, как сломанная заводная кукла. – И не весь вечер.

– Неважно. Это было не очень-то красиво.

Еле сдержался, чтобы не высказаться, что было не очень-то красиво приглашать Дориана Лэнгли и посвящать ему оды, оставлять меня за бортом на протяжении всего разговора и окидывать меня классическими недовольными взглядами а-ля Джонатан Гринвуд. Но мне не хочется ссориться, поэтому я выдыхаю:

– Извини. Просто, ты ведь знаешь, я ни черта не смыслю в ваших адвокатских делах. А вы говорили только о них.

– Но ты мог бы проявить капельку уважения. Родители ведь нас пригласили... – Упрёк прозвучал куда-то в сторону, потому что Эмбер смотрела в окно. Её отражение, отскакивающее от стекла, за которым засыпал вечерний город, было сдержанно недовольным. Несочетаемое сочетание. Только она могла шипеть коброй, при этом оставаясь спокойным удавом.

Пальцы крепче взялись за руль, костяшки побелели, а ладони защипало, как и всё внутри. Как обычно. Я должен проявлять уважение, хотя в доме Гринвудов ко мне относились, как к бездомному, случайно забредшему на огонёк. Вот оно, идеальное время постоять за себя и обсудить Дориана Лэнгли.

– Да, а ещё твои родители позвали этого Лэнгли. Зачем?

– Затем, что он лучший сотрудник компании, и отец хотел выразить ему свою признательность.

С каких пор простого «молодец» и «спасибо» в стенах кабинета было недостаточно, чтобы выразить признательность одному из работников? Пусть даже лучшему. С тех самых, когда Джонатан Гринвуд решил показать мне, каким должен быть будущий муж его дочери. Или показать то же самое Эмбер.

Я завёлся громче, чем мой пикап.

– Ты ведь прекрасно знаешь, что Дориана позвали совсем не за этим.

– А зачем тогда, Джек? – С вызовом бросила в меня Эмбер.

– Брось, будто ты не видишь, как он на тебя смотрит. Как готов исполнить любой твой каприз.

– Он просто пытается быть милым.

– Он просто пытается занять моё место. – Вырвалось у меня.

– Ты что же, ревнуешь?

- Даже если так, я имею на это право.
- Нет, не имеешь. Потому что для ревности нет причины.
- Да, я и забыл, что ты знаешь всё о правах.

Каждая фраза ядом вытекала из моего рта, хотя я не планировал ссориться, а лишь поговорить без утайки. Открыть Эмбер глаза, потому что она, видно, предпочитала держать их плотно сжатыми.

- Вау, Джек. Решил перейти на личности? Что ж, я тоже могу.

И всю оставшуюся дорогу мы перетягивали канат каждый на свою сторону, вместо того, чтобы наслаждаться обществом друг друга на фоне ночной панорамы Портленда. Я не замечал дороги, на автоматизме поворачивая на перекрёстках, замирая с другими на красном сигнале светофора, слишком сильно вжимая педаль газа в пол.

Войдя в квартиру, мы выдохлись и молча разбрелись по разным углам. Я закрылся в ванной, плеснул ледяной воды в лицо, чтобы оно перестало гореть, и постоял немного, приходя в себя. Чувствовал себя уродом, но обиженным уродом. С Эмбер было весело и легко где-то пятьдесят процентов времени, остальное мы проводили в схватках, иногда звенящих на всю квартиру, иногда тихих, но не менее губительных. В такие моменты, как этот, восхищение нравом Эмбер, её амбициозностью и непоколебимостью, привитыми отцом и судебными разбирательствами, сменялось раздражением. Тяжело встречаться с женщиной, которая уверена, что во всём права. Которая любит воевать и не потерпит поражения. Эмбер всегда была нужна победа. Мне – гармония.

Выйдя из ванной, я застал её смирно сидящей на кожаном диване. Ноги она подложила под себя, что сложно в такой узкой юбке. Она просто сидела, глядя перед собой. Такая милая и беззащитная, что мне тут же захотелось её обнять и защитить. И в этот миг всё прошло. Злость на её отца, ревность к Дориану. Осталось лишь то чувство, которое появилось четыре года назад, когда я впервые её встретил.

Я подсел рядышком и притянул её к себе, чтобы сократить пропасть между нами. Без лишних слов она прильнула к моему плечу. Мечи были опущены. Никто не победил, но в том и была победа.

- Прости меня. – Попросил я, нащёпывая ей в волосы.
- И ты меня. Я знаю, каким может быть мой отец. Именно поэтому он и смог пробиться так высоко.
- И это заслуживает уважения. Просто... мне кажется, что парень, которого выбрала его дочь, тоже мог бы заслужить хоть каплю уважения.
- Он тебя уважает.
- Я этого не чувствую.
- А это ты чувствуешь?

Её губы с жаром прикоснулись к моей шее и начали медленно продвигаться к моим губам, оставляя ожоги. Единственное наступление пламени, которое обжигает, но не делает больно.

- Чувствую. – Прошептал я в ответ и подхватил Эмбер на руки.

Пока я нёс её в сторону спальни, словил эффект дежавю. На мгновение вместо жгучих глаз Эмбер появились другие, с медовым оттенком. Пришлось закрыть глаза, чтобы не видеть Рейчел, пока Эмбер стягивала с меня рубашку. В этой войне было объявлено перемирие.

Джек

После полуночи насыщения друг другом, мы достигли абсолютного мира и той гармонии, о которой я мечтал. Стоя под горячими струями душа, я смывал с себя вчерашние эмоции. Все думают, что ледяная вода сможет очистить тело и разум от лишнего, но вопреки всем законам я очищался кипятком.

Если бы каждый вечер, каждая ночь были такими, как вчера, я бы не раздумывал над предложением так долго. Отец Эмбер только подливал масла в огонь, и вчерашний ужин стал последней каплей. Я не говорил Эмбер, но перед тем, как распрощаться, он потянул меня за рукав рубашки, чтобы увести в сторонку. Подальше от ушей остальных участников сборища.

– Джек, я намерен задать тебе серьёзный вопрос.

В детстве мы с Лили любили забраться на пару велосипедов – я на свой стильный «ДжиТи», сестрёнка на розовую крошку с помпонами на руле – и отправлялись к живописной дельте реки Санди. Там мы оставляли велики у деревьев и подходили к самому краю покатога берега, сплошь усеянного платанами и вязами. Под нашими ногами открывался бесподобный вид на воду и противоположный берег, где начинались земли Вашингтона. Но однажды Лили оступилась и чуть не полетела вниз. Я вовремя ухватил её за капюшон толстовки и затянул обратно. Моё сердце замерло на добрых полминуты, видя испуганные глаза младшей сестрёнки и её фигурку, летящую вниз.

Когда Джонатан Гринвуд собрался «задать мне серьёзный» вопрос, я почувствовал то же самое, что и Лили тогда. Будто я срываюсь с утёса. Но рядом не было никого, кто успел бы ухватить меня за капюшон.

– Ты долго ещё намерен пудрить мозги моей дочери?

– Не понял.

– Чего ты ждёшь? Пока она наконец-то прозреет и увидит кого-то более подходящего ей по духу... и положению. – То есть, кого-то вроде Дориана Лэнгли. Я озверел, но запер щёлкающего зубами зверя внутри. – Ты знаешь, что я не в восторге от выбора дочери. Не хочу тебя обидеть, но не понимаю, почему она до сих пор с тобой.

Да, люди, которые не желают обижать, уж точно говорят нечто подобное, мистер Гринвуд.

– Но я хочу, чтобы моя дочь была счастлива. Если по какой-то безумной причине она счастлива с тобой, то я не стану ей перечить.

Я уже знал, к чему подводит эта вежливая и тактичная беседа.

– Ты намерен жениться на моей дочери или нет?

Два внимательных глаза вперились в меня, пытаясь навести ужас. Наверняка, Джонатан Гринвуд прибегал к этому приёму со своими клиентами. Но на меня его жёсткий взгляд не действовал. Сложно бояться чего-то, когда побывал в самом пекле больше сотни раз.

– Будьте уверены, мистер Гринвуд. – Испепеляющим голосом ответил я. – Как только я сделаю Эмбер предложение, вы узнаете об этом первым.

И я вышел из дома, оставив его пыхтеть от недовольства, что ему посмели перечить, пусть и в скрытой форме. Этот «серьёзный вопрос» подстегнул меня устроить сцену в машине. Но теперь я наконец остывал по мере того, как нагревалось моё тело под струями. Ненавижу, когда на меня давят. И этот тет-а-тет с отцом Эмбер только отдалил меня от намерения опуститься на одно колено. Ещё есть время. Эмбер отличается от других девушек, потому что далека от всех этих свадеб и материнства. Она строит карьеру и наслаждается своей независимостью, так что, месяцем раньше – месяцем позже, ей не так важно поскорее надеть кольцо на палец, как важно её отцу.

Утопая в водопадах душа, я услышал голос Эмбер, которая звала меня из комнаты.

– Сейчас выйду!

Завернувшись в полотенце, я выпустил грибы пара из ванной, как только открыл дверь. И тут же застыл. Передо мной стояла Эмбер во вчерашней одежде, которая сидела на ней так, будто она впервые вытащила её из шкафа. При полном параде, готовая сворачивать горы за судебной трибуной, она с нетерпением глядела на меня, а в её руках была раскрытая коробочка с помолвочным кольцом.

– Джек, это... то, что я думаю?

Какого дьявола ей приспичило рыться в ящике с моим нижним бельём? За вспышкой злости пришла растерянность. Я не хотел, чтобы всё случилось так. Я вообще не был уверен, что хочу доставать это кольцо из тайника. Но всё случилось само собой. Издевательство вселенной.

Мы не двигались и даже не дышали, смотря друг на друга.

– Ты собирался сделать мне предложение?

Может, я ошибался насчёт отношения Эмбер к женитьбе. Она выглядела так, будто уже собиралась бежать выбирать свадебное платье и нанимать организатора. Пожалуй, неважно воспитание или характер, любая девушка всегда останется девушкой, чьи мечты вертятся вокруг брака.

Пора было выходить из оцепенения и сказать хоть что-то.

– Хотел, но ты всё испортила. – С лёгкой укоризной улыбнулся я. – Как ты его нашла?

– Прости! – Но в глазах Эмбер счастье сияло гораздо ярче чувства вины. – Забыла, в каком из ящиков оставила свой дезодорант.

Довольно странно искать его среди моих трусов, но я засчитал ответ, ведь особого выбора не оставалось.

– Блин, я и правда всё испортила. Ты ведь хотел сделать сюрприз! Давай я сделаю вид, что ничего не находила, а ты исполнишь свой план.

По моему плану это кольцо должно было лежать там ещё немного, но уже не имело значения, уверен я или нет. Свадьба состоится, иначе Эмбер никогда мне не простит, если я вдруг пойду на попятный.

– Это ведь уже будет обман. – Выдохнул я. – Пожалуй, придётся менять планы.

И я, влажный и сбитый с толку, в одном полотенце и полном ужасе опускаюсь перед Эмбер на колени, а её глаза вспыхивают радостным потрясением, будто я отвёл её на самый верх Эйфелевой башни, а не стою посреди утреннего полумрака спальни.

– Эмбер Гринвуд, согласна ли ты стать моей женой?

И вот эти слова вылетают из меня пушечным ядром, но проделывают дыру во мне самом. Огромную, дымящуюся дыру, от которой начинает кружиться голова, а я рискую истечь кровью прямо на голый пол.

– Боже, да! – Выпаливает своё ядро Эмбер, и оно делает из меня решето. – Да, да, Джек! Как же давно я об этом мечтала!

Она запрыгивает на меня с озорством девчонки, и даже та самая узкая юбка ей не помеха, как и моё скользкое от капель тело. Несколько секунд мы стоим в обнимку, празднуя событие страстным поцелуем. Не успевает Эмбер отпустить меня, ослабить стальную хватку, уже примеряет кольцо на безымянный палец. То оказывает слегка великоватым и издевательски поблескивает в лучах утреннего солнца, пробивающегося сквозь полузавешенные шторы.

– Оно прекрасно!

– Нравится?

– Конечно! Неужели ты сам выбирал?

– А кто же ещё? – Выговариваю я вторую за утро ложь. – Но боялся, что оно будет слишком простым для тебя.

– Шутишь? Оно идеальное. Нужно немного уменьшить, но это не проблема.

Губы снова находят мои и затапливают меня нежностью.

– Все в офисе просто обалдеют! Меня уже давно мучают расспросами, когда же ты решишься.

Так я не единственный, на кого давят со всех сторон? Ну и эгоист. Даже не подумал, что Эмбер ещё тяжелее выслушивать все эти «когда?» и «почему?», смущённо придумывать оправдания моей нерасторопности.

– Позвоню маме! Вот они обрадуются!

Эмбер убежала звонить родителям, а я не мог двинуться. Каждый нерв заостенел, каждая жила налилась свинцом. Теперь было неважно, готов я или нет. Скоро я женюсь. Стану мужем. И пусть я любил Эмбер, действительно любил – когда-то уж точно – я не знал, правильным ли было это решение. Я разогнал себя и прыгнул через эту пропасть, но завис над ней и в любой момент мог полететь прямо вниз. В холодную бездну.

Рейчел

Я и не представляла, насколько одинока, пока не попала сюда. Пока не променяла уютную шелковистость домашних простыней на жёсткую перину больничного постельного белья. Меня навещали всего-то Джерри и доктор Дарлинг со своей извечной хмурой спутницей Ритой, медсестрой, которая сказала мне не больше двадцати слов за три дня. Вчера, правда, заглянула Летти, с которой мы часто выгуливаем вместе собак. При виде её с корзинкой фруктов, которых мне было не съесть за эту неделю, стало как-то теплее на душе.

От Остина не было вестей, хотя чего я ожидала, собственноручно выставив его из палаты? Из своей жизни. Я могла его понять. Мы встречались всего-то три недели, а подбитая, печальная, обгорелая девушка – не то, что ожидаешь заполучить от новых отношений.

Всё, что меня согревало, это мысли о том, как я вернусь домой. А ещё Джек Шепард. Логика не помогала разобраться, отчего он тратит на меня время, но радость от встреч с ним посылала логику куда подальше. Вчера я сунула ему ключи от своего дома. Вечером напросилась на переписку. А сегодня утром попросила Джерри заехать ко мне в квартиру и привести косметичку. На моём лице теперь красовались шрамы, которые не замажешь пудрой, но из головы никак не выходили последние слова Джека, что он бросил перед тем, как уйти. Он назвал меня красивой. Несмотря на повязку на щеке, несмотря на рельеф, который появится под ней, как только придёт время снимать бинты. И мне захотелось почувствовать себя такой, как раньше. Оправдать ожидания Джека Шепарда и снова стать красивой.

После больничного завтрака я достала из привезённой Джерри косметички маленькое зеркальце и еле удержалась от того, чтобы не заглянуть под повязку. Доктор Стерлинг настаивал, чтобы я повременила, отложила встречу со своим отражением до лучших времён. Пока что, всё, что я видела в зеркальце, это бледную кожу, которая убегала под такие же бледные бинты. Тёмные ореолы под глазами. И печаль в глазах. Косметика поможет справиться только с синяками, жаль, что тональником не замажешь печаль.

Я с энтузиазмом взялась за своё лицо, как художник – за чистый холст. Промокнула напудренной пуховкой щёки и лоб, тронула щёткой туши ресницы и слегка подвела брови карандашом. Всего пару мазков, а лицо преобразилось. Старалась смотреть лишь на левую сторону лица, в котором всё ещё узнавала саму себя.

Джек Шепард не приходил. Всё утро компанию мне составляли романы, что вместе с косметичкой захватил Джерри. После каждой главы я отрывала глаза от букв и с надеждой смотрела на дверь, но она не открывалась. На середине романа выглянула в окно, чтобы, как в прошлый раз, увидеть его за рулём пикапа. Но его машины не было на парковке у больницы. Пришло время обеда, и я поплелась в столовую на первом этаже, переживая, что упущу тот момент, когда Джек всё же заглянет ко мне в палату. Но своим двадцать первым словом та самая угрюмая Рита на мой вопрос, не приходил ли кто, ответила:

– Нет.

Роман был прочитан, я успела подремать и переговорить с Джерри по телефону.

– Понадобится ещё минимум пятьдесят тысяч, чтобы полностью восстановить пекарню.
– С досадой сообщил он.

Если бы у Джерри были такие деньги, то он давно бы поменял проводку, купил новый миксер и заменил холодильник. Открытие пекарни затянется на неопределённый срок.

– Походу, придётся брать кредит. – Сказал Джерри. – Других вариантов не остаётся. Ладно, не забивай себе голову моими проблемами. Главное, поправляйся. Я заеду вечером.

К ужину Джек так и не пришёл. Я не получила ни одной весточки от него, даже скупого «Привет» по смс. Одиночество сидело со мной на постели и ехало в лифте на первый этаж, чтобы вместе со мной давиться полусъедобным ужином. Мысли мои были далеко, пока я стояла

в очереди с подносом в ожидании, когда в пустую тарелку плюхнется черпак жидкой каши с куском отварного мяса, по вкусу напоминающего картон. Я так задумалась, что пропустила, как подошёл мой черёд, и услышала за спиной:

– Вы рискуете остаться голодной.

Улыбчивый мужчина лет на пять меня старше ничем не отличался от меня. Простая, удобная одежда, в которой не стыдно выползти из палаты, пришибленный вид, красный поднос в руках, как в школьной столовой. Но кое-что нас всё же отличало: в его глазах не было той печали, что я видела в отражении пудреницы.

– Извините, задумалась.

Сотрудница столовой, по виду которой казалось, что она доедает всё то, что не съедают пациенты, как и следовало ожидать, с каменным лицом плюхнула на мой поднос такую же каменную котлету – на вид просто булыжник – и склеенные макароны. На «десерт» я получила две галеты и стакан сока.

Столики разобрали группки сплотившихся обитателей больницы, что успели обзавестись знакомыми со схожими скрытыми болячками. Я как всегда пристроилась за столиком у окна в гордом одиночестве человека, чьи болячки видны, как на духу. Они написаны на моём лице.

Ковыряя котлету, я поглядывала на телефон, но даже он не желал со мной разговаривать.

– Можно к вам? – Тот же приятный тембр прозвенел над ухом.

Мужчина из очереди выжидательно возвышался надо мной с такой же порцией.

– Все столики заняты. – В качестве оправдания подметил он и для пущей убедительности осмотрелся по сторонам.

– Конечно, присаживайтесь.

Теперь и я слилась с завсегдатаями больничной столовой и обрела собеседника хотя бы на время ужина. Но я не знала, стоит ли затягивать разговор или мой партнёр по столу предпочитает ужинать в одиночестве.

– Жду не дожусь, чтобы выбраться отсюда. – Первым заговорил он. – Первым же делом забегу в какую-нибудь пиццерию и наемся дрянной еды до отвала.

Я улыбнулась, поддерживая столь безответственный план.

– Что вас сюда привело? – Спросила я.

– Язва. – Весело ответил тот.

– Тогда вам не следует объедаться пищей, если не хотите вернуться сюда в скором времени.

– Ну её. – Махнул он и тоже принялся ковыряться в еде, словно под горкой макарон найдётся что-то повкуснее. – Один раз живём. Если не язва меня доконает, то что-нибудь другое. Не хочу всю жизнь просидеть на диетах и ущемлять себя в удовольствии полакомиться пиццей. Или хот-догом. Вы пробовали хот-доги в «Корнер Виста»? Это забегаловка в Фейрвью.

Я покачала головой, поражаясь, как можно быть таким болтливый и беззаботным.

– Обязательно попробуйте. Там готовят лучшие хот-доги в Портленде. – Он оставил макароны в покое и поднял глаза на меня. – Я Чарли. И у меня язва.

За тридцать секунд нашей беседы я поняла, что приютила за своим столом безнадёжного весельчака и хохмача. Он протянул руку над нашими подносами, я пожала её и тоже представилась:

– Я Рейчел. И у меня, как видно, ожоги второй степени.

– Могу я спросить, что случилось?

– Пожар на рабочем месте.

– Ого, сочувствую вам. Серьёзно. Надеюсь, всё быстро заживёт.

Да, и покроется красными рубцами, обрастёт зачерстневшей кожей, сделает из меня ящерицу.

– Может, стоит сменить работу, если там так опасно?

– Я пекарь. Только это и умею. Не хочу заниматься ничем другим.

– Вот видите. – Усмехнулся мой новый знакомый. – Вы ничем не отличаетесь от меня с моей любовью к хот-догам. Даже попав сюда, всё равно собираетесь вернуться к тому, что может вас убить.

И так я впервые ужинала не одна. И за все двадцать минут и все тридцать переваренных макаронин даже не взглянула на экран мобильного. Чарли скрасил моё одиночество лёгкой болтовнёй и вернул мне способность улыбаться.

Перед тем, как разойтись по разным отделениям, он окликнул меня:

– Эй, а не хотите, как только мы оба выберемся из этой тюрьмы, попробовать тех самых хот-догов из «Корнер Виста»?

Я смутилась, потому что услышала в этом обыденном вопросе приглашение на свидание. Так просто было сказать «да» и отведать этих несчастных хот-догов. Но он видел меня лишь такой, с макияжем и повязкой, скрывающей моё истинное лицо. Как только её снимут, и он увидит шрамы, он трижды пожалеет о своём предложении и захочет сбежать так же, как и Остин.

– Спасибо, но я не люблю жирную пищу. – Только и придумала я как прикрыть явное «нет».

Чарли как-то сдулся. Былой веселости, как и не было. Он не рассчитывал на отказ, но принял его с похвальным достоинством.

– Что ж, жаль. Но если передумаете, моя палата номер двести восемь.

Перед отбоем я не выдержала и всё же написала Джеку Шепарду первой. Долго раздумывала над тем, что такого придумать, чтобы моё сообщение не выглядело назойливым. Меня спасла Лола. Мне стало стыдно, что я использую свою любимицу в качестве подсадной утки, но собралась с духом и набрала:

Надеюсь, Лола сегодня вела себя хорошо?

Вчера ответ пришёл сразу же, как напротив сообщения появилось две птички – сигнал о том, что его прочитали. Но сегодня послание так и осталось помеченным лишь одной. Такой же одинокой и жалкой галочкой, как я.

Не дождавшись ответа, я смыла косметику проточной водой, обругала себя на чём свет стоит и зарылась под одеяло с головой.

Джек

– Самое ужасно предложение руки и сердца, о котором я слышал. – Logan допил второй стакан «Буд Лайта», тогда как мой первый не опустел даже наполовину. – Так ты всё-таки женишься?

– Женюсь.

– Мои поздравления.

Прозвучало почти как вопрос, хотя чему удивляться, когда первым делом после смены я потащил Логана в бар и сидел, как в воду опущенный. Вернее, в пиво. Весь день я был сам не свой и трижды получал нагоняй от Логана-лейтенанта. Сейчас же передо мной сидел Logan-друг и первым из всей бригады выслушивал новости, по моему виду не зная, как к ним относиться.

«Бруклин» с гостеприимством принимал всех и каждого, кто забредал сюда с наступлением вечера. Я заприметил двух знакомых пожарных из двадцать пятой и парамедика из тридцать шестой. Они отсалютовали нам бокалами и вернулись к своим беседам. По подвешенному над барной стойкой телевизору показывали новости о какой-то несчастной девушке, которую исколотил бывший. Но когда полиция попыталась призвать его к ответственности, оказалось, что этот самый бывший жил под другим именем и по другому адресу.

Не живётся людям спокойно.

– Так Эмбер не злится, что ты сделал ей предложение, стоя на корточках в полотенце?

– Эмбер на седьмом небе. Не думал, что она так хочет выйти за меня.

– Все женщины хотят за кого-нибудь выйти. – Со знанием дела заявил Logan, хотя сам не продержался ни в одних отношениях больше трёх месяцев.

– Но только не Эмбер. Ты же её знаешь. На первом месте карьера. Как на втором и третьем. Я для неё... – Я не подыскал верного слова и сказал так, как есть. – Словно десерт между аперитивом и горячим.

Logan хмыкнул.

– Если ты десерт, то совсем уж кислый. – Он подался вперёд и водрузил свои ручки на стол. – Серьёзно, Шепард, в чём проблема? Предложение сделано, Эмбер счастлива. Её папаша, наверное, тоже. Он наконец-то от тебя отстанет.

Я открыл рот, чтобы пояснить, в чём собственно проблема, но пикианье мобильного сбило меня с мысли.

Надеюсь, Лола сегодня вела себя хорошо?

Рейчел. Чёрт. Как только я начинаю её забывать, она напоминает о себе.

– Кто там? – Logan кивает на телефон, но я переворачиваю его экраном вниз с видом полного безразличия, хотя изнываю от желания написать малознакомой женщине и рассказать обо всех своих переживаниях. Это вообще нормально?

– Неважно.

– Ты весь покраснел. Люди не краснеют от того, что неважно. Особенно ты. Ты даже в эпицентре пожара сохраняешь естественный цвет лица.

– Мне не до шуток, Logan.

– Так я и не шучу. Ты сам позвал меня в бар, чтобы обсудить... как ты сказал? «Кое-что важное». Зачем мы здесь, Джек?

За двадцать девять лет я познал три непреложные истины. Пицца на тонком тесте в «Папа Джонс» не стоит потраченных денег. Страх существует лишь в воображении. Всё, что творит мужчина в своей жизни, он творит из-за женщины. Так что, как говорится, шарше ля фам. Ищите женщину. Logan с завидным разнообразием устраивал парад из девушек, которых цеплял на каждом шагу. Для парней он был царь и бог, но я один знал, что за этим стоит. Что

однажды сердце Логана разбили, а не всё можно заново склеить. Он знал, что у меня на душе. И он один мог помочь моему сердцу не столкнуться с той же участью.

– Перед тем, как ты сделал предложение Мэдди...

– Не начинай, Шепард. – Сурово поиграл желваками Логан. Вена на его могучей шее вздулась, бицепсы напряглись, готовые вступить в бой. Не хотел бы я схлестнуться с ним в рукопашной, перейти ему дорожку или просто косо посмотреть на него в баре, подобном этому. Мне повезло оказаться в списке друзей Логана Хоббса. Только поэтому при упоминании Мэдди моя челюсть всё ещё оставалась целой.

– Я не собираюсь лезть к тебе в душу, Логан. Просто хочу разобраться.

Одним махом он высосал оставшееся пиво, оставив на доннышке воздушную шапку пены. Логан Хоббс мастерски тушил пожары и высокоградусные напитки.

– Ладно, валяй.

– Как ты понял, что Мэдди – та самая? Знаю, звучит по-детски...

– Скорее по-девчачьи. – Ухмыльнулся он.

– Но мне правда нужно знать. Как ты разобрался, что хочешь провести с Мэдди остаток жизни?

Злость Логана отступила от его сердца, его лица и его перекачанных мышц. Он расслабленно откинулся на спинку диванчика и посмотрел куда-то за меня, в своё прошлое.

– Мне не нужно было разбираться, Джек. Я просто знал и всё. Это не тест по математике, где нужно найти правильный ответ. Его нельзя отыскать, потому что он уже в самом тебе. Если ты сомневаешься, то это и есть ответ, Шепард. Я ответил на твой вопрос?

– Да. Спасибо, Логан.

– Отлично. – Он хлопнул в свои громадные ладоши и растёр их. – А теперь пора бы вернуться к мужским делам и напиться, как следует.

В качестве благодарности за дельный совет, я посидел за уже вычухавшимся пивом ещё полчаса, пока к нам не присоединились Олсен и Уэйд. И с чистой совестью вышел на свежий воздух.

В телефоне висело уже два непрочитанных. Второе было от Эмбер, которая даже в день нашей так называемой помолвки побежала спасать мир.

Жаль, что мы не можем толком отпраздновать. Обещаю завтра исправиться. Целую.

Я механически закрыл сообщение, оставив без ответа, и открыл переписку с Рейчел.

Надеюсь, Лола сегодня вела себя хорошо?

Времени – начало одиннадцатого. Вряд ли она всё ещё ждёт моей реакции, поэтому я просто перечитал смс три раза и представил улыбающееся лицо отправительницы. Как её губы растягиваются на слове «Лола». Понадеявшись, что полиция сегодня не станет зверствовать на дорогах, я завёл пикап и доехал до уже знакомого дома в Хэзелвуде. Лола встретила меня бурным весельем и всё норовила облизать нос. Мы вышли на позднюю прогулку, хотя пора было бы отправляться в постель перед завтрашней сменой. Но я знал, что не усну. Слишком большая роскошь для человека, который барахтается в чане сомнений. Который нашёл тот самый ответ в себе.

Собираясь уходить, я по глупости оглянулся на Лолу и встретил её взгляд. Настолько тоскливыми и жалобными были её голубые глаза, что я чуть не забрал её с собой.

– Прости, милая, но тебе со мной нельзя. Я знаю, тебе одиноко. Но осталось потерпеть ещё немного.

А как только твоя хозяйка выпишется из больницы и сможет сама управлять своей жизнью, меня и след простынет. Заперев дверь снаружи, я спустился всего на одну ступеньку, как поднялся такой вой, будто вместе с Лолой я закрыл маньяка с огромным тесаком, что теперь её истязал. Протяжный, глубокий, убийственный вой раненного животного. Когти с таким усердием царапали дверь изнутри квартиры, что рано или поздно процарапали бы выход наружу.

Слишком поздно для собачьего концерта. Чего доброго, соседи взбесятся и вызовут полицию, и тогда у Рейчел будут проблемы. Она может не отделаться штрафом. Вдруг у неё отберут Лолу? Пожар-то она, может, и пережила, но с потерей собаки может не справиться.

Вздохнув, я вернулся в квартиру, и истерика тут же сменилась радостным лаем. Лола ужиком закрутилась в ногах, отбивая ритм по моим коленям.

– Тише, Лола! Угомонись. – Я опустился рядом с ней и заключил в объятия, лишь бы прекратить это безумие. – Ты всех соседей перепугаешь. Так и быть, я останусь ненадолго, но потом уйду, хорошо?

Она дважды благодарно залаяла, метнулась к дивану и, запрыгнув на него, положила мордочку на передние лапы, всё ещё подрагивала хвостом, приглашая присоединиться к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.